

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Ожерелье индийской богини приносит несчастье каждому, кто завладел им из алчности. Поколение за поколением подтверждают эту печальную истину, и вот уже следующая жертва готова отдать голову для украшения жестокосердной Кали...

Наталья АЛЕКСАНДРОВА

Ожерелье богини Кали

Артефакт & Детектив

Наталья Александрова
Ожерелье богини Кали

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Ожерелье богини Кали / Н. Н. Александрова — «Эксмо»,
2016 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-699-91311-4

Петербург захватила волна ритуальных убийств. Жертвы задушены шелковым платком, на платке – странный рисунок: танцующая четверорукая женщина с ожерельем из человеческих черепов и поясом из отрубленных рук... В эту историю неутоленной мести и неразделенной любви Жене Линевой, обычной продавщице из антикварного магазина, придется окунуться с головой, иначе кто-нибудь обязательно выведет ее из игры – или соперничающие индийские кланы, или родные российские бандиты, или наследники профессора Шемаханова, так неосмотрительно вручившие ей ключ от тайника, где хранится то самое древнее ожерелье...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-91311-4

© Александрова Н. Н., 2016
© Эксмо, 2016

Наталья Александрова

Ожерелье богини Кали

© Александрова Н. Н., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

– Видеть тебя больше не хочу! – Девушка выплеснула бокал красного вина в лицо своему спутнику, вскочила из-за стола и бросилась к выходу. Правда, сделав несколько шагов, не удержалась от соблазна и оглянулась, чтобы увидеть, как он с перекошенным от ярости лицом пытается оттереть вино от своего дорогущего пиджака.

От этого зрелища ей немного полегчало, но совсем немного и ненадолго.

Она сунула гардеробщику номерок, неловко влезла в пальто, вышла на улицу и только там дала волю душившим ее слезам.

На этого козла она угробила целых два года своей жизни!

Два года она угождала ему, угадывала его желания, два года она пыталась превратить его в человека... и вот как он отплатил ей! Он завел интрижку с ее лучшей подругой!

Она с трудом справилась со слезами, вытерла глаза и огляделась в поисках такси.

Улица была пуста.

Вдруг за спиной у нее послышались приближающиеся шаги, и незнакомый голос проговорил:

– Он того не стоит!

– Что? – Оглянувшись, девушка увидела высокого мужчину лет сорока, с темными глубокими глазами и седой прядью, пересекающей черные волосы, как след сабельного удара. – Что? – повторила она удивленно.

– Он того не стоит. – Брюнет подошел ближе, взглянул на нее пристально, и от этого взгляда у нее закружилась голова, как будто она оказалась на краю пропасти, но успела разглядеть, что глаза у незнакомца не темные, как ей показалось, а необычного янтарно-желтого цвета. – Жизнь не кончилась, – продолжил брюнет, не сводя с нее гипнотизирующего взгляда. – Вы молоды и красивы, вас могут ждать впереди самые необычайные встречи, самые удивительные события. А он ничтожный, жалкий, самовлюбленный тип. Он не стоит и одной вашей слезинки.

– Кто вы? – удивленно спросила девушка, не в силах отвести взгляда от таинственного незнакомца. – Откуда вы знаете?..

Она была поражена: незнакомец прочитал ее мысли, всю ее жизнь, как открытую книгу. Она хотела спросить, как ему это удалось, но недоговорила, внезапно смутившись: она представила, как выглядит сейчас со стороны – со смазанной косметикой, распухшим от слез носом, дрожащими губами...

– Кто я – совсем неважно, – проговорил брюнет и легко дотронулся до ее руки. – Важно, кто вы.

От этого мимолетного прикосновения по ее телу пробежала судорога, словно от электрического разряда.

– Вы достойны лучшего, – говорил он. – Вы достойны самой замечательной судьбы.

Девушка почувствовала, что ноги ее слабеют, становятся ватными, еще немного – и она упадет.

– Вы устали, – проговорил незнакомец мягким, убедительным голосом. – Вам нужно выспаться. А завтра вы проснетесь совсем другим человеком... Куда вас отвезти?

– Домой... – ответила она едва слышно, заплетающимся языком.

– Домой, – повторил незнакомец, властно и уверенно подхватил ее под руку и повел к большой темной машине.

– До... домой... – неуверенно повторила девушка.

В глубине души она понимала, что делает что-то неправильное.

Садиться в машину к человеку, которого видишь первый раз в жизни, – это неправильно, это опасно и недопустимо.

Но у нее не было ни сил, ни желания сопротивляться ему, сопротивляться этому мягкому, убедительному, властному голосу.

Она сделала несколько шагов, села на пассажирское сиденье и закрыла глаза. Машина тронулась, заскользила по пустынным улицам ночного города. Девушке стало хорошо и спокойно, как будто она наконец оказалась дома. Не в жалкой, неприбранной съемной квартирке, а Дома, в том Доме, о котором мечтает каждый из нас.

Перед ее глазами поплыли яркие, радостные картины – широко распахнутое в сад окно... цветущая яблоня... красные ягоды земляники в густой траве...

Дальше картины смешались, образы стали неразличимыми, странными, незнакомыми. Среди них замелькали какие-то смуглые люди. Эти люди улыбались, танцевали, бросали ей яркие тропические цветы, пели на незнакомом, странном языке...

Вдруг девушка проснулась.

Машина стояла, мотор был выключен.

– Мы приехали? – спросила она, оглядываясь.

– Мы приехали, – подтвердил незнакомец своим мягким, обволакивающим голосом.

– Но это... не мой дом... – пробормотала девушка, выглядывая в окно.

Машина стояла на пустыре, рядом с двухэтажным заброшенным домом. Вокруг была глухая, тяжелая, давящая темнота.

– Где мы? – прошептала девушка, и в душе у нее шевельнулся страх и начал разрастаться.

Она взглянула на незнакомца.

Он смотрел на нее пристально, и в глубине его темных глаз сверкали багровые искры, как ответ далекого пожара.

– Где мы? – повторила девушка едва слышно. – Кто вы? Чего вы хотите?

– Ты хотела вернуться домой, – проговорил незнакомец мягко, почти нежно. – И я помогу тебе. Скоро, совсем скоро ты вернешься домой... вернешься в наш общий прекрасный дом, вернешься к нашей великой матери...

Девушка хотела сказать ему, что ненавидит свою мать и вовсе не хочет к ней возвращаться, но эти слова застряли у нее в гортани как рыба кость.

Она не могла отвести взгляда от страшного незнакомца.

А багровые искры в его глазах становились все ярче и ярче, как будто отраженный в них пожар приближался.

– Не бойся, дитя мое, – проговорил он тихо, – тебе не будет больно. Ты заснешь – и проснешься совсем другим человеком, как я тебе и обещал. Твоя новая жизнь будет ярче и интереснее, чем нынешняя, ты будешь благодарна мне...

– Отпустите меня... – пролепетала девушка непослушными губами. – Пощадите меня, прошу вас!

– Ты сама не знаешь, о чем просишь. – Губы незнакомца недовольно скривились. – Я оказываю тебе огромную услугу... великую честь. Ты должна радоваться и ликовать.

С этими словами незнакомец вытащил из кармана яркий шелковый платок.

На мгновение он его расправил, и девушка увидела удивительный узор: языки багрового пламени, а среди них – танцующую обнаженную женщину.

Женщина эта была ужасна.

У нее была темно-синяя кожа, четыре руки и ярко-красный высунутый язык. Шею ее обвивало ожерелье из человеческих черепов. На талии был пояс из отрубленных рук. По под-

бородку и груди этой страшной женщины стекала густая кровь, как будто она только что завершила кровавую трапезу.

Но незнакомец уже сложил платок вдвое, затем вчетверо, взмахнул им, уже сложенным, – и тот живой змеей обвился вокруг шеи девушки, стянул ее...

Мужчина схватил платок за концы и потянул их в разные стороны.

Платок стягивал шею все туже и туже...

Девушка хотела закричать, хотела позвать на помощь – но не могла издать ни звука, она только бессильно, мучительно хрипела, глаза ее вылезали из орбит.

Она все еще видела глаза своего убийцы.

Багровые отсветы в его глазах разгорелись живым яростным пламенем, он жадно смотрел на умирающую девушку, как будто впитывая в себя остатки ее жизни.

А потом все померкло, и наступила великая тьма.

Мужчина еще несколько минут смотрел на мертвую девушку, словно не мог оторваться от этого зрелища, словно хотел запомнить его навсегда. Затем он открыл дверцу машины, обошел ее и бережно поднял мертвое тело.

С этим телом на руках он подошел к пустующему дому, вошел внутрь.

В доме было еще темнее, чем снаружи, но мужчина уверенно шагал, как будто видел в темноте как кошка или как будто багровые искры в его глазах озаряли темноту.

Пройдя первую комнату, он вошел во вторую.

Посреди нее стояло старинное кресло со сломанными подлокотниками и вспоротой обивкой.

Мужчина усадил мертвую девушку в кресло, придав ей гордую, внушительную позу. Затем набросил на ее лицо шелковый платок и отступил немного назад, словно любясь делом своих рук.

В комнате было темно, как в желудке кита, но он видел мертвую внутренним взором.

Убедившись, что все сделано как следует, он быстрым, решительным шагом вышел на улицу.

Звонок в дверь раздался, как всегда, некстати – Женя только вышла из душа. Ну, кого тут принесло в такую рань, да еще в воскресенье? Не иначе соседка за солью или за сахаром.

Нахальная баба эта Лариска, но не скажешь же ей об этом прямо в лицо. Может, не открывать?

Нельзя, она всегда в курсе, дома Женя или нет. Между их квартирами очень тонкая стенка, и потому все ей слышно – как дверь входная открывается, как вода льется, как дверца шкафа скрипит. Так что она всегда знает, дома Женя или нет.

И вот что странно – Женя-то ничего не слышит через стенку, она понятия не имеет, что и как в квартире у Лариски стучит или скрипит. Она вообще никогда в жизни у нее в квартире не была, не тянет ее к соседке в гости.

Звонок все трезвонил, Женя поняла, что Лариска просто так не отвяжется, придется открыть. Опять, что ли, сахар кончился? Или кофе захотелось? У тебя, говорит, хороший, индийский... Подарить ей, что ли, на ближайший праздник кофе? Не поможет, все равно к Жене таскаться станет.

Женя накинула на голое тело халат, замотала голову полотенцем и открыла дверь, не спрашивая.

И остолбенела. Потому что на пороге стояла вовсе не соседка, а совершенно незнакомая девица. Да еще в таком виде...

На девице была короткая жилетка из розового искусственного меха, очень узкие джинсы, сплошь расшитые стразами, и сапоги на огромных каблуках. Волосы ее буквально стояли

дыбом, до того обильно были политы лаком. Глаза подведены черными стрелками до висков, губы густо намазаны малиновой помадой. Вдобавок от девицы несло жуткими духами.

Женя даже зажмурилась на мгновение и потрясла головой, думая, что у нее начались глюки. Ну, это неудивительно – спала сегодня плохо, под утро только уснула, даже душ не помог проснуться – вот и привиделось. Надо бы кофе выпить...

Подумав про кофе, она вспомнила про навязчивую соседку. И, убедившись, что перед ней вовсе не Лариска, спросила у неожиданной визитерши, кто она такая. Точнее, только собиралась спросить. Не успела Женя и рта раскрыть, как девица всплеснула руками и заорала на всю лестницу:

– Женька, привет! Это же я!

Так. Что-то смутно забрезжило в Жениной непроснувшейся голове. Девица знает, как ее зовут, стало быть, знакомая. Но Женя готова поклясться, что в жизни ее не видела. Ну не может у нее быть таких знакомых! Это же ужас что такое!

И эти духи, это же просто оружие массового поражения, а не духи! У нее весной и так аллергия на цветение, оттого и спала плохо, пришлось все форточки закрыть.

Значит... в мозгу всплыло смутное воспоминание... что-то такое было на телефоне... господи, да что же это такое, совершенно голова не работает! Наверное, это от таблеток, она ведь пьет лекарства от аллергии. Все равно ведь ничуть не помогает, только голова от них чугунная становится.

– Да я же Кристина, сестра твоя! – Девица шагнула через порог, обрушив на Женю запах своих жутких духов.

Она пыталась отступить и задержать дыхание, но ничего не помогало. В носу защипало, и Женя оглушительно чихнула.

Полотенце раскрутилось и упало на пол, халат распахнулся. Однако от чиха в голове малость прояснилось, и Женя обрела способность соображать.

И правда, мама звонила дня три назад и спрашивала, не может ли Женя приютить на несколько дней их дальнюю родственницу, дочку тети Вали. Женя не помнила ни тетю Валу, ни тем более ее дочку Кристину, но согласилась, потому что мама была довольно настойчива. Теперь, дескать, у тебя места много, живешь одна в двухкомнатной квартире, так что можешь гостей принять.

Пришлось согласиться.

– Я думала, что ты еще не скоро приедешь, – сказала Женя, отступая в прихожую.

– А чего тянуть? – весело захохотала Кристина. – Самолеты летают – и вот я тут!

– Да заходи же, а то дует с лестницы! – Женя заторопилась, потому что халат противно охлаждал мокрое тело, да и Ларискина дверь начала приоткрываться.

Сейчас начнутся расспросы, потом она напросится на кофе, в результате полдня пройдет. А там и конец выходному, а он у Жени один, и так повезло, что на воскресенье выпало.

– Ой, у меня же вещи внизу! – заорала Кристина. – Слушай, дай пятьсот рублей, у меня денег на такси не хватает. У вас цены бешеные, просто ужас какой-то!

«Ну вот, еще и пятьсот рублей, – обреченно подумала Женя, – если денег нету, то ехала бы на маршрутке. И вообще не самолетом, а поездом. Не так и долго, всего сутки...»

Получив купюру, Кристина припустила по лестнице, грохоча каблуками. Лифта у них в доме не было.

– Гости у тебя? – Это Лариска высунулась из своей двери, сгорая от любопытства.

– Сестра приехала ненадолго, – нехотя ответила Женя.

Захлопнуть дверь она не могла – нужно было ждать Кристину с вещами.

– Сестра-а? – удивилась Лариска. – А ты ведь говорила, что одна у мамы.

– Двоюродная, – буркнула Женя, едва не скрипнув зубами.

Вот что им всем от нее надо?

Шум и хохот возвестили о возвращении Кристины. Ее сопровождал шустрый мужичок в кепочке и кожаной куртке. Таксист едва не сгибался под тяжестью большого чемодана. Сама Кристина тащила объемистую дорожную сумку.

У Жени тотчас мелькнула мысль, что для нескольких дней, которые Кристина собиралась прожить в Санкт-Петербурге, у нее слишком много вещей. Ну, в конце концов, есть такие женщины, которые меняют туалеты по пять раз на дню. Женя, конечно, к таким не относится, но Кристина, похоже, из таких.

Успокоив себя таким образом, Женя посторонилась и распахнула дверь пошире. Таксист, увидев ее, недовольно хмыкнул.

– Сестренка моя! – громогласно возвестила Кристина. – Заждалась уже!

На лице таксиста отразилось откровенное разочарование – очевидно, хитрюга Кристинка пообещала ему неформальное общение или еще какую награду, чтобы донес тяжеленный чемодан на четвертый этаж.

– Однако, – сказал он, – мы так не договаривались.

– А о чем мы договаривались? – заорала Кристина. – Может, тебе натурой доплатить? Ты уж губенки-то свои закатай обратно! Ишь, разлетелся!

– Да тише ты, всех соседей соберешь! – шикнула Женя.

– Мне стыдиться нечего! – орала Кристина. – Это вот он пускай стыдится, вымогатель бессовестный!

Таксиста как ветром сдуло.

Кристина с Женей пропихнули вещи в прихожую. Лариска пыталась помочь, но в маленькой прихожей стало так тесно, что Лариска просто не влезла туда. Дама она корпулентная, сама про себя говорит, что хорошего человека должно быть много. Она и одна-то в Жениной прихожей с трудом помещается, а уж вдвоем им точно туда не втиснуться, да еще чемоданы. Поэтому соседка нехотя направилась к себе.

Женя закрыла дверь и перевела дух.

Кристина перепрыгнула через чемодан и поскакала в комнату. Квартирка у Жени была небольшая, одно название, что двухкомнатная. Одна комната хоть и довольно просторная, но проходная, а вместо второй – восьмиметровый пенал с узким окошком, похожим на крепостную амбразуру. Но и такой жилплощади Женя была рада несказанно – получила-то она ее даром.

Женя родилась в Петербурге, но совершенно не помнила этот город, потому что, когда ей было три года, мама развелась с ее отцом и уехала к себе. Про Жениного отца мама плохого никогда не говорила – просто поженились совсем молодыми, со студенческой скамьи, по глупости, в общем. Но точно не из-за Жени, она-то только через полтора года у них родилась.

А тогда казалось, что любовь до гроба, говорила мама. И обязательно прибавляла – дураки оба, ни разу по-другому не сказала. В общем, они быстро поняли, что очень разные и что жить друг с другом не могут. Но из-за Жени продержались еще пару лет. А потом она забрала дочку и уехала в родной город.

И никогда об этом не жалела.

Женя, в общем, тоже не слишком сокрушалась, что живет в маленьком городке, тем более что мама очень скоро вышла замуж и муж ее завел свой успешный бизнес, так что денег на жизнь вполне хватало.

Отчим много работал и относился к Жене по-доброму. И когда она решила ехать в Санкт-Петербург, чтобы поступать на искусствоведческий факультет, отчим сказал, что во время учебы будет ее содержать. В пределах разумного, конечно. Мама тоже не возражала.

Сейчас Женя думает, что лучше бы они ее отговаривали, грозились, что денег не дадут, скандалили бы, упрекали, что сидит на их шее. Авось тогда бы она послушалась и выбрала более приличную специальность.

То есть учиться-то было интересно, но вот с работой потом были проблемы.

– Женька-а! – послышалось из маленькой комнаты. – Ты где? Ты куда пропала?

Женя осознала себя стоящей посреди прихожей и бездумно глядящей перед собой. Точно, нужно бросать пить эти дурацкие таблетки, все равно они не помогают. А сейчас срочно кофе выпить, чтобы в себя прийти.

– Ой, что это? – спросила Кристина. – Ну и ну!

– Не трогай! – закричала Женя и бросилась в комнату.

Но было уже поздно, из маленькой комнаты послышался жуткий грохот, потом крик, потом забористый мат.

По дороге Женя споткнулась о чемодан, ушибла ногу, потеряла тапок и добежала до комнаты, чертыхаясь.

Так и есть, проклятая дверца вывалилась прямо на Кристину, и теперь она сидела на полу, потирая ногу. Дверца валялась рядом, целая и невредимая.

– Ты жива? – спросила Женя.

– Что это было? – Кристина шмыгнула носом.

– Нога цела? Встать можешь?

В Женином голосе прозвучала неподдельная, искренняя тревога – не дай бог, Кристина ногу сломала, это же она месяца два будет тут торчать!

Женя тут же устыдилась своих мыслей, тем более что Кристина встала, охая и постанывая.

С Жениной помощью она доковыляла до дивана в большой комнате и плюхнулась на него прямо в сапогах.

– У тебя выпить нету? – спросила она. – Чтобы стресс снять.

– Нету, – твердо ответила Женя, – вот чего нету, того нету. Ни выпить, ни покурить в доме не держу.

Тут раздался звонок в дверь. Ну не будет сегодня покоя!

– Кто еще? – не слишком любезно спросила Женя.

– Девочки, у вас все в порядке? – зывала Лариска из-за двери. – Вы там подрались, что ли?

– Ничего не подрались, у нас шкаф упал! – рывкнула Женя, и не собираясь отворять. – Все у нас хорошо!

Лариска потопталась на площадке и ушла.

В комнате Кристина, морщась, снимала сапоги. Потом задумчиво покрутила ногой.

– Вроде бы ничего, – неуверенно сказала она, – надо бы холодное приложить...

Женя с трудом вставила дверцу шкафа на место.

В крошечной комнате мебели не было, только вот это дубовое страшилище. Когда Женя везжала сюда, она выбросила почти все, что осталось от старой мебели.

Все было темное от грязи и изъедено жучками. А шкаф был такой огромный и к тому же тяжелый, что у Жени просто не хватило ни сил, ни времени его разобрать.

Пользоваться этим шкафом она не хотела – оттуда пахло чужой несвежей одеждой и застарелой пылью, да еще и дверца все время выпадала.

И все равно, несмотря на ужасное состояние квартиры, Женя считала ее подарком судьбы. Ведь это была ее, только ее квартира, она была тут полноправной хозяйкой.

«Раз в жизни повезло», – говорила мама, и Женя была полностью с ней согласна.

И правда, она уж отчаялась тогда, после расставания с Иннокентием. Не то чтобы страдала от любви и ревности, просто было ужасно муторно на душе.

Когда же она получила бумаги о разводе, позвонила свекровь и сказала холодно, что на Женино имя пришло официальное письмо из нотариальной конторы.

Хотя нет, к тому времени, как они окончательно оформили развод, свекровь стала гораздо лучше к Жене относиться, уверившись, что добила наконец своего и Женья ей больше не опасна.

Свекровь сказала, что нужно прийти за письмом как можно скорее – вдруг там что-то важное, нотариус просто так, по ерунде, беспокоить не будет.

Когда Женья пришла, свекровь просто умирала от любопытства, но сама письмо вскрыть не решилась – как можно, мы же порядочные люди, не вскрываем чужие письма, не подслушиваем чужие разговоры, не читаем эсэмэски в чужом телефоне.

Был у Женьи соблазн взять письмо и уйти, но свекровь буквально затащила ее в квартиру и даже сервировала чай. Печенье испекла с глазурью!

Женья открыла письмо и обалдела.

Там черным по белому было написано, что ее родной отец по завещанию оставил ей квартиру. Буквы прыгали у нее перед глазами, Женья заикалась и мямлила, тогда свекровь вырвала письмо у нее из рук и прочитала все сама.

Она перечитывала письмо раз пять, если не больше, а Женья за это время успокоилась.

Было очень забавно наблюдать за лицом свекрови: она, которая всегда считала невестку хищницей из провинции и приبلудной кошкой, своими глазами видела, что теперь невестке принадлежит квартира в центре.

Квартирка оказалась так себе, отец в свое время получил ее от престарелой своей тетки. Никто из родственников на нее не претендовал, отец, оказывается, тоже умер небедным человеком, недвижимости было у него достаточно.

Свекровь тогда едва не заболела от разочарования, потому что если бы ее сын не развелся с Женьей, ему тоже причиталось бы что-нибудь по закону. Теперь же Женья сделала ей ручкой и ушла. Ушла в свою собственную квартиру.

Это событие помогло Жене перенести развод.

Навалились дела и хлопоты. Квартира была очень запущенной, в ней долгое время никто не жил. У Женьи хватило денег только на новый диван – не на полу же спать.

С тех пор как она официально оформила все документы на квартиру, прошел почти год, и за это время Женья успела накопить денег на новую кухню. Прежняя была вообще никакая, то есть ее просто не было – колченогий столик, покрытый продранной клеенкой, две хлипких табуретки и шкафчик для посуды, в который вместо стекол вставлена была фанера. Все было ободранное и засаленное до неприличия, так что Женья вынесла эту, с позволения сказать, мебель на помойку вместе с закопченными кастрюлями и битыми тарелками.

Теперь кухонька радовала глаз. Все было такое чистенькое и новенькое – и стены, и потолок, и мебель, и посуда. В магазине, где она работала, на новоселье подарили ей новую кофеварку, и Женья была счастлива. Даже Иннокентий принес на новоселье две чашки.

Чашки были новые, но ужасно старомодные, аляповатой доисторической расцветки, – похоже, что свекровь выдала ему из своих заглазников. До пенсии она работала учителем в школе, и у нее скопилось ужасное количество хрустальных ваз, чайных сервизов и комплектов постельного белья. Что характерно, белья свекровь не прислала, видно, пожадничала.

Оказавшись на своей новой кухне, Женья, как всегда, пришла в хорошее настроение. Кристина, прихрамывая, притащилась за ней.

– Как тебе? – не выдержала Женья.

– Класс! – ответила Кристина. – Очень даже ничего!

– Кофе будешь? – спросила Женья, суетясь у кофеварки.

– А пожарить чего есть? А то в самолете такая тошнеловка. Как попробовала – думала, сразу сблюю. Как они не стесняются такое людям подавать?

Кристина сбросила наконец свой меховой жилет и осталась в обтягивающей трикотажной кофточке с очень большим вырезом. Бюст произвел впечатление даже на Женью.

– Ага! – Кристина перехватила ее взгляд. – Силикон! Денег отдала – жуть, зато красота какая!

«Да уж». – Женя поскорее отвернулась.

– Ой, забыла совсем! – закричала Кристина. – Мать же варенья дала, две банки!

Из прихожей послышался оглушительный грохот, что-то звякнуло, брякнуло, потом на кухне появилась сияющая Кристина с двумя двухлитровыми банками варенья подмышкой. Женя в это время нашла в шкафчике батон.

Позавчера купила, ну, черствый даже полезно.

В холодильнике оставалось только полпачки масла, потому что Женя его ела крайне редко. У нее на сегодня был запланирован поход в магазин, но, видно, не судьба.

Кристина не унывала. Она резала батон толстыми кусками, намазывала их уже вовсе не приличным слоем масла и сверху выкладывала варенье столовой ложкой. Все это она запивала крепчайшим кофе, который попросила налить не в маленькую кофейную чашечку, а в поллитровый фаянсовый бокал, тоже подаренный свекровью. Бокал был белый, с широкой золотой каймой, и на боку выгравирована надпись: «Вере Анатольевне от благодарных учеников». Свекровь говорила, что бокал преподнесли ей, когда она поскользнулась и сломала ногу, пролежав два месяца в гипсе. Очевидно, ученики были благодарны за то, что свекровь так надолго избавила их от своего присутствия.

Варенье и правда было ужасно вкусное – клубничное и из райских яблочек.

– Что думаешь делать? – спросила Женя, управившись с бутербродом. – Куда пойдешь?

На самом деле ей хотелось спросить, надолго ли Кристина явилась, но было неудобно. Как всегда, мешала интеллигентность.

– Да вот приехала людей посмотреть, себя показать. – Кристина зачерпнула еще ложку варенья.

– Ты в отпуске, что ли? – Женя пыталась намекнуть, что она-то женщина работающая, так что возиться с Кристиной у нее времени нет. Да и желания тоже.

– Ну да, как бы в отпуске... – уклончиво ответила Кристина. – А куда бы мне сегодня пойти?

– Погода не очень, холодно, да и дождик вон собирается, так что нужно под крышу. Сходи в Эрмитаж, там и снаружи красиво, а уж внутри...

– А что, можно и сходить. – Кристина сорвалась с места и полетела в прихожую. Снова раздался грохот, потом что-то упало, потом шум переместился в комнату.

Когда Женя, вымыв посуду и убрав остатки варенья, вышла из кухни, она просто остолбенела.

Это ничего, что квартирка у нее маленькая и очень просит ремонта. Зато у Жени чисто, и все вещи всегда на своих местах. Откровенно говоря, и вещей-то немного, зато просторно. И порядок. Был. Женя вообще девушка очень аккуратная, любит, чтобы все было разложено по полочкам и нигде ничего лишнего.

Теперь же квартира напоминала цыганский табор и восточный базар, что называется, в одном флаконе.

Посреди комнаты стоял раскрытый чемодан. Было такое чувство, что это пасть огромного монстра, который только что проглотил энное количество людей и теперь выплевывает остатки одежды, которые вредны для пищеварения.

На диване валялись платья – все яркие, в крупных экзотических цветах. На единственном стуле навалены были пиджаки и джемпера – тоже яркие и еще более невозможных оттенков, уместных разве что на морских бакенах и на табличках, предупреждающих о радиационной опасности. Туфли были разбросаны по всей комнате, колготки висели почему-то на люстре.

Люстра, пожалуй, была единственным предметом прежней обстановки, который Женя не выбросила. Хоть и горели в ней всего два рожка из пяти, все же какой-то свет она давала.

Теперь на трех негоревших рожках висели колготки – узорные, в сеточку и просто красные. Из сумки торчали бюстгалтеры и трусы, а еще на полу прямо кучей была навалена косметика – все эти баночки, тюбики и флаконы с лаком. Причем один раскрывался и залил пол.

– Слушай, ну что это такое! – не выдержала Женя. – Что за бардак ты тут устроила!

– Да? – Кристина крутанулась на пятках и удивленно оглядела комнату. – Ну, я вещи разбираю. А у тебя все равно повесить некуда. А что лак разлился, так все равно же ты говорила, что пол в этой комнате нужно менять.

Женя отвернулась и скрипнула зубами. Ну кто ее тянул за язык, за что ей такое наказание? Едва ли не впервые с тех пор, как она работает в магазине, у нее выпал выходной на воскресенье – и вот, пожалуйста! Сиди теперь в разоренной квартире, сторожи эту Кристинку. Да ее же на минуту оставить нельзя, она тут все разворотит! Вон, шкаф едва на себя не свалила.

Однако после кофе в голове немного прояснилось, и появились там некоторые практические мысли. К примеру, такая: где Кристинка будет спать? Потому что спальное место у Жени только одно – тот самый новый диван в большой комнате. Ночью она на нем спала, а утром складывала и накрывала покрывалом, опять-таки подаренным свекровью. Покрывало в свое время привезла свекрови из дальних стран мамаша хулигана Шерстоухова.

Шерстоухов был личностью необычной, свекровь часто вспоминала его особенно удачные проделки.

В пятом классе этот Шерстоухов залез в кабинет биологии и поработал над скелетом, который стоял в шкафу. С помощью сложной системы противовесов Шерстоухов устроил так, что при открывании дверцы скелет шагнул вперед, так что когда свекровь, которая как раз и была учителем биологии, открыла дверцу шкафа, чтобы достать оттуда какое-то наглядное пособие, на нее шагнул скелет, одетый в жакет завуча и беретик престарелого учителя рисования.

Увидев такое чудо, биологичка так заорала, что прибежали учителя из соседних кабинетов.

Уроки были сорваны, школьники потешались вовсю. Подозрение пало на Шерстоухова, да он несильно отпирался. Видимо, чувствовал авторскую гордость.

Собрали срочный педсовет, на котором стоял вопрос об исключении из школы.

Больше всех орала завуч, все даже удивились, как в таком хилом, тщедушном теле может быть такой громкий голос. Возможно, она обиделась на то, что какой-то шутник из десятого класса заметил, что скелету жакет идет больше, чем ей. Директриса согласно кивала – будем принимать самые жесткие меры.

Учитель рисования отмалчивался, только когда вопли завуча перешли уже в совсем дикий визг на грани ультразвука, хлопнул кулаком по столу и сказал, что он рассмотрел систему противовесов, которая сделана очень остроумно, и что педсовет будет выглядеть просто глупо, если исключит такого способного парня из школы.

Завуч от неожиданности поперхнулась и замолчала, учитель рисования надел свой потертый беретик и ушел, хлопнув дверью. Он никого не боялся, потому что был старый, многоопытный и повидал в своей жизни всякого.

Свекровь после этого прибавляла, что она тогда растерялась, с одной стороны, хотелось хорошенько отодрать Шерстоухова за уши, с другой – неудобно было перед учениками, что так орала от страха.

Тогда-то мамаша Шерстоухова и подарила ей покрывало. Покрывало было в ярких восточных узорах и от долгого лежания в шкафу у свекрови нисколько не потускнело. Сама Женя ни в жизнь бы такое не купила. Но дареному коню, как известно, в зубы не смотрят. Еще пришлось благодарить свекровь по телефону.

Так или иначе, со спальным местом вопрос остается открытым.

Женя обреченно оглядела комнату и поняла, что находится в такой безобразии она не в состоянии. Кристина ведь никуда не денется со своими тряпками. Значит, самой Жене придется спать в маленькой комнате.

Но там, кроме шкафа, ничего нет, стало быть, придется просить у Лариски раскладушку. Она предлагала.

Лариска явилась тотчас, как будто нет у нее никаких дел. Принесла и раскладушку, и матрас, потом еще сбегала за подушкой и одеялом. Пришлось снова заваривать кофе и достать варенье.

Кристины шмотки Лариска одобрила все чохом. Да кто бы сомневался, тихонько вздохнула Женя. Пока эти две любительницы экстремальной одежды щебетали и примеряли, она обустроилась в крошечной комнатке. Тесно и душно, зато можно закрыть дверь и не видеть этого безобразия.

Женя раскрыла узкое окошко, похожее на бойницу, отчего-то оно было забрано решеткой. Странно, кто в такое пролезет?

Тут же послышалось громкое воркование, и на окошко сел голубь. Голубь был не простой, а белый, просто белоснежный, ни единого темного перышка.

– Ух ты! – сказала Женя. – Какой ты...

Голубь повернул голову и посмотрел на Женю хитрым круглым глазом. Затем громко тукнул в решетку клювом, распустил хвост веером и улетел.

«Надо бы крошек ему насыпать...» – лениво подумала Женя и тут же опомнилась – да что с ней такое? Не хватало еще голубей кормить, как старушка! Гули-гули-гули... тьфу!

Тут из большой комнаты послышалось восторженное аханье Лариски, Женя приоткрыла дверь и онемела.

Кристина приготовилась к выходу на люди. Джинсы теперь на ней были обычные, черные, только очень узкие, и черный же свитерок. Зато сверху...

Женя даже зажмурилась на мгновение. Сверху Кристина надела нечто, не поддающееся описанию. Очень длинный... жилет? Или безрукавка, черт ее знает. Эта штука была вся расшита золотом, как попона у любимого коня восточного владыки.

– Ну как? – Кристина покрутилась на каблуках.

– Ой! – Женя прикрыла глаза ладонью. – Ослепнуть можно!

Кристина покрутилась еще немного, потом щедро сбрызнулась духами и ушла, заняв у Жени еще пятьсот рублей. Лариска, услышав про деньги, тут же слиняла к себе.

После их ухода Женя почихала немного, потом открыла все форточки и сгребла в кучу Кристины шмотки, прикрыв их покрывалом. Высушила волосы, запустила стиральную машину и стала уговаривать себя сходить в магазин. Холодильник пустой, и что-то ей подсказывало, что Кристина ничего не купит, хотя сама поесть не дура.

И вот, когда она уже почти преуспела в этом благом начинании, снова прозвенел дверной звонок.

«Если Лариска – убью на месте!» – кровожадно подумала Женя.

Но это была не Лариска. На пороге стоял Иннокентий. Ну конечно, кому еще и быть-то!

– Привет! – сказал Иннокентий и улыбнулся одним уголком рта.

Когда-то давно эта асимметричная улыбка приводила Женю в восторг. Сердце ее сладко замирало в предчувствии чего-то необычного, чего никогда в жизни с ней не случалось. Ей казалось... ох, ей много чего казалось тогда, в двадцать лет, когда они встретились с Иннокентием в библиотеке института.

Женя училась с увлечением, ей так интересно было слушать лекции. Кроме того, отчим сказал при прощании, что он не намерен бросать деньги на ветер. Там, мол, в большом городе, некому будет за Женей присматривать, она может проводить время как угодно, но учиться

должна хорошо. Никаких хвостов и академических отпусков, никаких отговорок. И тройки тоже не приветствуются.

И вот в библиотеке они столкнулись с Иннокентием.

Все было как в рекламных роликах – Женя уронила стопку книг, они оба нагнулись, чтобы их поднять, и стукнулись лбами. У Жени буквально искры посыпались из глаз, а когда она проморгалась, то увидела совсем близко его глаза без очков.

Глаза были серо-синие, петербургские, как потом он объяснил, и какие-то туманные. Как выяснилось тут же, у Иннокентия слетели очки, а без них он был не то чтобы совсем слеп, но видел плохо.

Вместо Жениного лица, как он сам говорил, у него перед глазами было смутное пятно. Правда, очень симпатичное, добавлял он со смехом.

Женя помогла ему найти очки и сама их надела, случайно прикоснувшись к его щеке. Они собрали книги, но не остались в библиотеке, Иннокентий пригласил ее погулять.

Эти прогулки решили все.

Потом они гуляли все время, в любую погоду, потому что Иннокентий – кстати, как только они познакомились, он просил называть его только полным именем – никаких Кешей и Иночек – да-да, пыталась его звать так одна девушка, это было ужасно.

Так вот, Иннокентий утверждал, что Петербург хорош в любую погоду, нужно только знать те места, куда идти.

И они ходили. Летом на Стрелку Васильевского острова, когда солнце слепит глаза, отражаясь в темно-синей воде Невы, осенью – в Летний сад, чтобы шуршать багряными листьями кленов и собирать желуди, зимой – к атлантам, что поддерживают портик Эрмитажа, хоть им ужасно холодно без одежды. Ранней весной – просто по городу, по его улицам и набережным, потому что парки с голыми еще деревьями повсеместно закрыты на просушку.

А ведь был еще Петербург Достоевского, который обязательно нужно было смотреть только в дождь. И еще много-много разных мест, куда Иннокентий приводил Женю и рассказывал, рассказывал про улицы и переулки, про площади и дома, и про людей, которые в этих домах когда-то жили.

По его рассказам получалось, что кругом все родное и хорошо знакомое. Он говорил, что в этом доме с колоннами и кариатидами жила раньше его бабушка, вот как раз ее балкон, там еще у одной кариатиды отбит нос. Это еще до него, кто-то из прежних жильцов постарался. А вот здесь она работала.

«Это же театр!» – ахала Женя.

Ну да, бабушка работала там капельдинером и пускала его на все спектакли. А в Эрмитаже работала ее подруга, так что можно было пройти без билета.

Они часто бродили по переулкам исторического центра, Иннокентий знал все переходы и проходные дворы, мог найти неприметную дверцу, пробраться на галерею, а с нее – подняться на чердак, а потом на крышу, откуда открывался восхитительный вид. Теперь таких мест мало, вздыхал он, все закрыто, всюду кодовые замки и домофоны, а раньше... вот было раздолье!

И Женя влюбилась в этот город. Точнее, ей казалось, что это не только его, но и ее город, ведь она здесь родилась. Она страшно сердилась на маму за то, что та увезла ее отсюда, ведь она могла вырасти здесь, и тогда все это она увидела бы гораздо раньше...

Ей так нравилось проводить время с Иннокентием, ей нравилось, как он говорит – горячо, страстно, но негромко. Не кричит, не брызжет слюной, не размахивает руками, как ветряная мельница. Но слова его доходят прямо до сердца.

Ей нравилась его увлеченность, она внимала ему с детским восторгом, она впитывала его слова, как губка.

Что подружки, таскаются на дискотеку или в кафе, вот уж интерес какой – торчать целый вечер в какой-нибудь шумной забегаловке и говорить ни о чем. Жене просто жалко тратить на

это время, ей хочется узнавать новое, а самое главное, ей хочется быть с Иннокентием. Только с ним и больше ни с кем.

Точнее, еще с Петербургом.

Сейчас-то она понимает, что перенесла на мужа свою любовь к городу. Через несколько месяцев таких прогулок Иннокентий пригласил Женю домой, чтобы познакомить с мамой. К тому времени они уже ходили по улицам обнявшись и целовались между его рассказами о домах и памятниках.

Мама Иннокентия была учительницей. Она приняла Женю приветливо, расспросила ее о жизни и даже сумела не поморщиться, когда Женя сказала, что приехала издалека и живет в общежитии.

Ну да, мы же воспитанные, интеллигентные люди, всегда держим себя в руках, не проявляем свои эмоции, не показываем явно своей антипатии. Женя тогда ничего не заметила, до того была увлечена Иннокентием.

Несколько раз он оставался у нее в общежитии, один раз они ездили к его приятелю на дачу.

Однажды, когда он, проводив Женю, возвращался домой поздно, на него напали. Отобрали деньги и мобильный телефон, побили, но не сильно. Его мать, однако, впала в панику, кричала и скандалила, он сам рассказал обо всем Жене.

И тогда Иннокентий сделал ей предложение. В первый момент Женя очень удивилась – ей как-то не приходило в голову, что может быть такой простой способ им быть вместе.

Уже потом, через несколько лет, когда все было передумано и дело шло к разводу, она не утерпела и спросила свекровь прямо – отчего та согласилась, даже сама предложила, чтобы ее сын женился в двадцать два года. Свекровь ответила, что хотела удержать сына при себе, уберечь его от всяких ночных нападений и прочих опасностей. Но отчего бы тогда просто не поселить было Женю у себя? Но нет, как можно, мы же приличные люди, строгих правил, так не положено, нужно обязательно официально оформить отношения.

Женя поехала домой, чтобы сообщить родителям новость. Свекровь скрепя сердце отпустила Иннокентия с ней на три дня.

«Не делай глупостей! – сказала мама, бросив один взгляд на жениха дочери. – Дело даже не в нем! Зачем тебе замуж? Не повторяй моих ошибок!»

«Ты хочешь сказать, что ошибка – это я?» – взвилась Женя.

«Хорошая такая ошибочка выросла, – разрядил атмосферу отчим, – внуков нам родит. Только доучись сначала».

И мама сразу затихла. Женя узнала потом, что отчим очень хотел детей, а у них не получалось. Не то мама не могла родить, не то что-то такое было у него не в порядке. Потом время ушло, так что кроме Жени никого у них не было.

На свадьбу они не приехали, но денег сколько-то дали. Впрочем, и свадьбы никакой не было – просто расписались в загсе да свекровь испекла праздничный торт.

Поначалу Жене было интересно – как это, замужняя, взрослая жизнь. Но свекровь постоянно держала руку на пульсе, вела хозяйство сама и сразу сказала, что на кухне Жене нет места. Нет так нет, не больно-то и хотелось.

Женя защитила диплом и занялась поиском работы. И оказалось, что с этим не так все просто. А точнее, очень сложно. Потому что родители деньги присылать перестали. У отчима возникли сложности с бизнесом, и мама дала понять, чтобы дочка сама становилась на ноги. Прямо, конечно, не сказала, что раз вышла замуж, то пускай теперь муж содержит, но Женя поняла ее правильно.

Что касается мужа, то он сразу же со смехом Женю предупредил, перефразируя слова классика, что он и деньги – две вещи несовместные, что он хочет заниматься наукой, так что рассчитывать пока можно только на его аспирантскую стипендию. Мама-учительница зараба-

тивала немного, вела еще в школе какие-то кружки и сдавала дачу. Ну да, у них была дача поблизости от города, большой бревенчатый дом, жильцы снимали его на весь год.

Женя пыталась устроиться по специальности, то есть в художественную галерею или музей.

В музей с улицы не брали, в приличную галерею тоже – претендентов было предостаточно, не Жене чета. А в крошечных галерейках, которые расплодились как грибы после дождя и так же быстро прогорали, платили сущие гроши.

Женя подрабатывала в частном садике, там родители решили, что детям нужно дать представление об искусстве, помогала соседке шить шторы на дому и даже по рекомендации свекрови вела в школе группу продленного дня. Но недолго, уж очень утомляли дети.

Иннокентий писал диссертацию – долго и тщательно, по вечерам зачитывал отрывки Жене.

Теперь они не гуляли, поскольку Женя после своих метаний по городу в поисках приработка буквально падала в постель.

Кстати, о постели... Как-то это было... Поначалу Женя была так им увлечена, что не очень обращала на это внимание. К тому же все происходило либо в общежитии, где за стенкой обязательно шумела компания, или же на чужой даче, на шатком диване и несвежих простынях. И потом, Женя все время ощущала незримое присутствие свекрови, даже когда той не было дома.

И наконец, Женя осознала, что ей просто неинтересно.

Неинтересно приходить домой, неинтересно приветствовать по утрам свекровь на кухне, неинтересно слушать бесконечные пассажи Иннокентия, неинтересно ложиться с ним в постель. Скучно.

Она не могла понять, как же так получилось. Ведь она была влюблена в него, ведь она замирала от восторга, слушая его рассказы о площадях и улицах, домах и парках, ведь она внимала ему, как оракулу, а теперь один вид его очков наводил на нее такую скуку, что хотелось выть, как волк на луну, с руладами и переливами.

Она долго анализировала свое состояние, благо Иннокентий как раз защищал диссертацию и не мешал ей думать. И поняла, что все дело в городе. Что она влюбилась в город, а не в мужчину, который ей об этом городе рассказывал.

Кстати, выяснилось, что насчет родственников и знакомых он слегка приврал, его бабушка никогда не жила в доме с кариатидами и не работала в театре, она вообще жила за городом, в том самом бревенчатом доме, который теперь свекровь сдавала жильцам.

И вот теперь, когда все стало ясно, Женя могла только радоваться, что город остался с ней.

Он-то никуда не денется. В отличие от Иннокентия. Потому что теперь она просто не представляла, что может прожить с ним всю жизнь. Или еще хотя бы год.

Несмотря на это понимание, она оставалась с ним.

Ну не могла она ни с того ни с сего вдруг разругаться и уйти. Ведь, в общем-то, ничего плохого Иннокентий ей не сделал, они даже не ссорились никогда. Да ей и идти-то было некуда, поскольку тех денег, что она зарабатывала, с трудом хватит лишь на еду, а квартиру снимать не с чего.

Понемногу Женя впала в депрессию, жизнь казалась ей тусклой и беспросветной, ее положение – безвыходным. С мужем они почти не общались, она даже рада была, что он не докучал ей ни разговорами, ни еще чем-нибудь.

Соседка, что шила шторы на дому, окончила дизайнерские курсы и попросила Женю помочь с первым своим заказом, это был йога-центр. Нужно было оформить помещение в соответствующем стиле.

Женя оживилась и увлеклась – ведь это было почти что по ее специальности, они много работали, все вышло хорошо, правда, денег клиент заплатил маловато.

И вот когда она шла домой довольная и чуть-чуть пьяная, потому что соседка затащила ее в кафе, чтобы отпраздновать удачное завершение работы, то увидела своего мужа Иннокентия с какой-то девицей. Иннокентий сажал ее в такси, поцеловал на прощание и долго махал руками вслед машине.

Потом обернулся со своей асимметричной улыбкой и натолкнулся прямо на Женю. И даже не стал оправдываться, только глубоко вздохнул и сказал, что сама судьба устроила эту встречу, что он давно собирался Жене все рассказать, да не хватало храбрости.

Женя тогда слегка обалдела от такой новости, да еще в голове шумело от двух бокалов вина, так что она просто молча поплелась за ним домой.

Дома Иннокентий разговорился, тем более что свекрови дома не было, она ездила на экскурсию с учениками в Пушкинские горы.

Как он говорил! Какие употреблял слова и обороты речи! Как страстно звучал его голос, как блестели глаза! В другой ситуации Женя просто заслушалась бы.

Он полюбил, говорил Иннокентий, он встретил женщину своей мечты. Так и сказал, не поморщившись от банальности. Женя же, малость очухавшись, сообразила, что судьба и ей дала шанс. Шанс избавиться от Иннокентия раз и навсегда.

Он говорил что-то о том, как встретил свою новую любовь, как сразу же понял, что это именно та женщина, которая предназначена ему судьбой, как между ними пролетела некая искра...

– Избавь меня от подробностей, – холодно сказала Женя и ушла в комнату, чтобы собрать чемодан.

Иннокентий тут же притащился за ней, он жаждал выговориться, выплеснуть все, что накопилось на душе, и ему нужен был слушатель. А кто еще умел слушать его так, как Женя? Даже родная мать с ней не сравнится.

Поскольку Женя приняла новость довольно спокойно, Иннокентий обиделся. И решил поменять тактику. Он заявил, что в их разрыве виновата Женя – да-да, она равнодушная и черствая, никогда его не понимала, а самое главное – с ней очень трудно в постели.

– Это с тобой трудно! – не выдержала Женя. – Трудно и скучно, скулы сводит, мухи дохнут!

После этого их беседа приняла такой характер, что Женя на прощание обозвала его козлом и ушла, хлопнув дверью.

Та же соседка нашла ей квартиру. Тех денег, что получила Женя за оформление йога-центра, хватило, чтобы заплатить за два месяца.

А потом она устроилась в магазин «Раджа». Этот магазин торговал индийскими предметами интерьера – всевозможными шкатулками и ларчиками, статуями Будды, резными сундуками и шкафчиками, курильницами и тому подобным экзотическим ширпотребом. На хозяйина произвел впечатление Женин диплом.

Звонила свекровь, говорила, что если они с Иннокентием расстались как интеллигентные люди, то Женя не должна таить обиду на их семью. Женя поздравила ее с новой невесткой, на что свекровь промолчала как-то растерянно и просила позволения позвонивать.

Женя повесила трубку и на следующий день подала на развод.

Развели быстро – ни детей у них не было, ни имущества совместного. После этого Жене стало тошно.

Получалось, что годы, прожитые с Иннокентием, она просто выбросила на помойку и мама была права, когда отговаривала ее от этого брака. Иннокентий совершенно пустой человек, никогда ничего значительного не совершит и не напишет. Конечно, он покорила ее тем, что прекрасно знает город. Но замуж-то выходят за человека, а не за экскурсовода. А она могла

провести это время с гораздо большей пользой, да хоть те же дизайнерские курсы окончить, чтобы приобрести какие-то практические навыки, потом работу найти получше, да наконец, могла встретить интересных людей, у нее появились бы настоящие друзья, а то свекровь и подружек приглашать не велела – сыночку ее надо заниматься, вот все подружки и отпали постепенно, теперь и в жилетку поплакаться некому.

Для того чтобы понять это, ей понадобилось пять лет. Да, тяжелый случай, долго думала, что уж говорить.

А потом пришло письмо от нотариуса, и Иннокентий стал ходить к ней, придумывая пустяковые причины. На Женин прямой вопрос, не скучает ли по нему его новая жена, он ответил, что все это было ошибкой, что ему только показалось, будто пришло новое необычное чувство, и вообще ему больно об этом говорить.

Ясно, поняла Женя, та его бортанула. И то сказать, она все удивлялась, что та девица могла найти в Иннокентии? Ни ума, ни красоты, ни богатства у него нет. Женя в свое время повелась только на его речи, что теперь об этом вспоминать.

Женя не хотела с ним ругаться, надеясь, что ему самому надоест таскаться к ней. Но пока дело не двигалось.

И сейчас Иннокентий стоял на пороге, держа в руках коробку из-под обуви, и улыбался своей странной улыбкой, которая вовсе не казалась теперь Жене ни милой, ни загадочной, а была просто кривой. Ну, кривоватой.

– Привет, – вздохнула Женя, – а ты чего? Вроде бы мы не договаривались...

– А я знаю, что у тебя сегодня выходной, вот и зашел, – сообщил Иннокентий и перешагнул через порог.

Жене пришлось отступить – не выталкивать же его назад, на площадку. Еще разобьет то, что у него в коробке. Он вообще-то очень неловкий.

– А я вот тут принес... – Иннокентий уже протягивал ей коробку, – мама прислала.

Небось опять какие-нибудь допотопные чашки. Ничего, Кристина их быстро перебьет.

Представив, как Кристина машет руками и сбивает на пол бокал с надписью «От благодарных учеников», Женя посмотрела на бывшего мужа едва ли не ласково. Он понял ее взгляд по-своему и хотел погладить ее по руке, так что Жене пришлось подхватить коробку. Она понесла ее на кухню, чтобы быть подальше от Иннокентия.

Однако в коробке оказались не чашки. Там стояли два контейнера с пирожками и сырными шариками. Свекровь обожала готовить что-то мелкое и трудоемкое.

Пирожки были крошечные, размером с шарик от пинг-понга, из слоеного теста, и просто таяли во рту, Женя уж знала. Очевидно, сырные шарики свекровь освоила недавно.

Глядя на все это великолепие, Женя снова вздохнула. Вот и попробуй выгнать Иннокентия вон. Ну не может она надеть ему тарелку с пирожками на голову просто так, ни с того ни с сего. А если сказать словами, он не уйдет. Это уж точно.

Вот для чего он к ней ходит? Зачем таскается к ней в квартиру при каждом удобном случае, без всякого повода, с упорством, достойным лучшего применения? Свекровь присылает? А у нее-то что за интерес к бывшей невестке? Казалось бы, все кончено, они в разводе, Женя ни на что не претендует, своя жилплощадь есть...

Ага, похоже, что в этом все дело. Свекровь хочет, чтобы они помирились, точнее, снова свелись, и сыночек ушел к Жене жить... Да не может быть, не она ли согласилась в свое время на их женитьбу только для того, чтобы не разлучаться с единственным своим чадушкой? И Женю даже разрешила к ним в квартиру прописать. Правда, без права на жилплощадь. Неужели Иннокентий ей тоже надоел?

– А ты угостишь меня кофе? – робко спросил Иннокентий.

Жене уже кофе на сегодняшний день хватило, однако воспитание опять взяло верх.

– Да, конечно, – вздохнула она.

И подумала, что слишком часто стала вздыхать. Просто как унылая старушка. Но что делать, если Иннокентий надоел ей до зубовного скрежета? И как объяснить ему, что у них никогда ничего не получится? И вовсе не потому, что он ей изменил – да бог с ним, с кем не бывает! Все гораздо серьезнее.

Пирожки, конечно, были изумительные, просто таяли во рту.

Вот интересно, Женя понятия не имеет, какая из свекрови была учительница, скорее всего, плохая, потому что она вечно жаловалась на детей, которые, судя по всему, ее не любили. Но готовить свекровь любит и умеет, этого у нее не отнимешь. Так, может, ей нужно было пойти в повара, а не в учителя биологии?

– Как дела? – спросила Женя машинально, хотя не следовало этого делать.

Сейчас Иннокентий начнет долго и нудно рассказывать про свой музей, про то, какая стерва там директриса и как она его зажимает в творческом плане. Надо же, когда-то Женя внимала ему с восторгом, слушала его негромкий голос, глядела в его блестящие глаза. Но тогда он говорил о городе, а теперь пересказывает сплетни своего музея и жалуется на судьбу.

Ел Иннокентий мало, выпил кофе и встал из-за стола, вежливо поблагодарив (мама приучила). Женя отвернулась к раковине, а он, войдя в комнату, изумленно спросил:

– Ой, а что это у тебя?

– А это сестры вещи! – крикнула Женя из кухни. – Сестра приехала погостить!

– Нет же у тебя никакой сестры! – сказал Иннокентий.

– Как нет? Двоюродных полно, – соврала Женя, – вот, поживет некоторое время.

Она постаралась, чтобы он не услышал в ее голосе некоторого злорадства, потому что заметила его недовольство. Ну еще бы – теперь посторонний человек в доме, будет создавать неудобства.

«Ты еще не знаешь какие...» – мысленно усмехнулась она.

И выслушала его пространные речи почти благосклонно. По крайней мере, снисходительно.

Слушать надо было обязательно, Иннокентий очень тонко чувствовал интерес собеседника.

Женя сама приучила его к своему вниманию, так что теперь никак нельзя было действовать по методу Винни-Пуха, то есть кивать головой и вставлять изредка глубокомысленные замечания «Да-да, конечно» или «Нет-нет, ни в коем случае».

Так прошло какое-то время. Женя давно уже, пока жила с ним, уверилась, что к домашней работе Иннокентия приспособить никак нельзя – он ничего не умеет. А если настаивать, проявлять упорство, то непременно что-то разобьет или переломает. Или уронит на себя что-то тяжелое. Свекровь обычно все делала сама или вместе с Женей.

Они вообще насчет хозяйства никогда не ссорились, она даже Женю хвалила за аккуратность и любовь к порядку.

Так что сейчас использовать Иннокентия для хозяйственных нужд Женя и не пыталась. Она развесила белье в ванной, затем навела порядок на кухне. Нашла в шкафчике остатки круп – пшена и гречки – и, улучив минутку, когда Иннокентий удалился в ванную помыть руки (мама приучила), высыпала все на подоконник в маленькой комнате. Тотчас прилетел белый голубь и начал аккуратно выклевывать пшено из небольшой кучки.

– Ешь, дорогой, – Женя сама удивилась своей нежности, – ешь, мой маленький...

Голубь поднял голову и поглядел на нее хитрым круглым глазом. Женя протянула руку сквозь прутья решетки и погладила перышки. Голубь принял это спокойно – из благодарности, наверное.

День понемногу двигался к вечеру, Иннокентий даже не собирался уходить.

– Тебе что – никуда сегодня не надо? – не выдержала наконец Женя.

– А куда? – Он смотрел недоуменно. – Сегодня же воскресенье, у меня выходной... Женя, – он все-таки прочел что-то в ее взгляде, – я должен с тобой поговорить!

– Ты мне ничего не должен! – отшатнулась Женя, застигнутая врасплох. – Мы все давно уже выяснили и расстались без взаимных претензий! Как интеллигентные люди, – добавила она, вспомнив про свекровь.

– Но я... – он нервно заходил по комнате, наткнулся на Кристины сапог, отбросил его в сторону, – я бы хотел...

«Хоть бы Лариска пришла, – с тоской подумала Женя, – то из квартиры ее никакими силами не вытолкать, а то вдруг затаилась, как мышь под веником...»

Вот что надо бывшему мужу? Не денег же он у нее занимать пришел? Деньги его не интересуют, он всегда это подчеркивает. Неужели он хочет, чтобы они опять сошлись? Не иначе свекровь его подговорила, не зря же она старается с пирожками. Да ни за что на свете!

И вот, когда Женя уже собиралась с силами, чтобы раз и навсегда прояснить этот вопрос и вытолкать своего бывшего вон, раз он намеков не понимает, раздался звонок в дверь. Точнее, не один, а серия звонков, потом кто-то двинул в дверь ногой.

– Женька, открывай! – послышался голос Кристины.

– Кто это? – Иннокентий отпрянул от двери.

– Увидишь. – Женя хитро блеснула глазами, широко распахнула дверь и поскорее отскочила в сторону, чтобы Кристина предстала во всей красе.

Она все правильно рассчитала, потому что посмотреть было на что.

Обильно политые лаком, волосы у Кристины стояли дыбом, как иголки у дикобраза, глаза горели, как у тигрицы в джунглях. И эта золотая попона... И каблук...

Даже у Жени, которая была готова к этому зрелищу, зарябило в глазах. Иннокентий же покачнулся, едва не вскрикнув, и прислонился к стене, прикрыв глаза.

– Писать! – громогласно объявила Кристина и рванулась в ванную, сметая Женю с дороги, как пушинку.

– Что это? – слабым голосом проговорил Иннокентий, прижав руки к груди.

Он уронил очки и с трудом успел их поймать, руки его дрожали, а глаза выглядели совершенно беспомощными. И Женя вспомнила, как свекровь рассказывала про того же хулигана Шерстоухова, который был кошмаром их учительской жизни.

Двадцать второго марта, в день весеннего равноденствия, как известно, начинаются школьные каникулы. Кроме того, этот день был памятным для их школы, Женя уж не помнит, в чем там было дело.

Так или иначе, двадцать второго марта в актовом зале каждый год проводилась торжественная линейка. Директор произносила речь, школьники стояли, поглядывая на часы, учителя следили за порядком. За Шерстоуховым был установлен постоянный надзор, потому что в этот раз присутствовала чиновница из городской администрации.

Не помогло.

Как выяснилось гораздо позже, смысленный Шерстоухов все рассчитал заранее. Он укрепил на окне актового зала несколько увеличительных стекол, точно высчитав угол наклона, так что когда в окно заглянуло мартовское солнце, тонкий луч был направлен прямо за спину директрисе, которая как раз заканчивала свою речь.

Как уж он все устроил, осталось неизвестным. Свекровь признавалась, что она не очень-то понимает в технике, но когда все радостно захлопали, видя, что дело идет к концу, над головой директрисы вспыхнул целый букет бенгальских огней, которые Шерстоухов умудрился зажечь с помощью солнечного луча.

В первый момент все растерялись, директриса же ничего не заметила. Потом опомнился физик, бросился на сцену и успел отвести директрису в сторону, чтобы искры не попали на ее

синтетический костюм. Школьники зашумели, учителя с трудом их приструнили, чиновница из администрации решила, что все идет по плану, как и было задумано.

В общем, никто не пострадал, только один мальчик из второго класса разбил очки. Как поняла Женя, это и был ее будущий муж. Теперь бывший.

После ухода начальства разразился страшный скандал. Директор не кричала, она твердо сказала, что терпение кончилось, что выговором Шерстоухов на этот раз не отделается, потому что налицо явный криминал и дело уголовное. Шерстоухова непременно осудят и посадят в колонию. Строгого режима.

Физик в это время исследовал систему увеличительных стекол и поражался, до чего верно Шерстоухов все рассчитал. Ведь все нужно было предусмотреть заранее – и направление солнечного луча, и его интенсивность. После этого физик испросил разрешения поговорить с директором наедине.

Неизвестно, каким образом он сумел уговорить директрису спустить дело на тормозах, не вызывая милицию, очевидно, имел в своем распоряжении кое-какие рычаги. Поговаривали, что когда-то давно у них был роман. Но возможно, что и врал.

Так или иначе, Шерстоухову поставили тройку за поведение, и его мама понеслась в школу с подарками, только свекрови на этот раз ничего не досталось.

– Очки на этот раз целы? – спросила Женя.

– Да-да... – Иннокентий утвердил очки на переносице, – но кто это?

– Сестра ее двоюродная! – заявила Кристина, выходя из ванной.

– Познакомься, Кристина, это Иннокентий, – Женя приободрилась, – мой бывший.

– Бывший? – протянула Кристина. – Общаетесь, значит...

– Угу...

– Ой, – заорала Кристина, – Иннокентий, значит? Слушай, тебе бы еще очки круглые – и вылитый попугай Кеша из мультика!

– Хм... Женя, я, пожалуй, пойду, – процедил Иннокентий, он очень не любил, когда поминали тот мультфильм.

– Как тебе, в Эрмитаже понравилось? – спросила Женя светским голосом.

– Ой, что ты, какой Эрмитаж! – орала Кристина. – Не я смотрела Эрмитаж, весь Эрмитаж смотрел на меня!

Иннокентий уже стоял в куртке и шарфе.

– Всего хорошего, – сказала Женя, отдавая ему коробку из-под обуви, едва не добавив из вежливости, чтобы он заходил еще.

Нет, пора избавляться от хороших манер!

Ложась спать, Женя подумала, что во всякой ситуации есть свои хорошие стороны. Она то думала, что приезд Кристины – это полный кошмар, наказание ей за грехи. А оказалось, что можно использовать неожиданно нагрянувшую родственницу, чтобы отвести бывшего мужа. Она видела, с каким страхом смотрел на Кристину Иннокентий, это надо использовать.

В понедельник Женя опоздала на работу.

Это случилось с ней первый раз за все время, и случилось, разумеется, из-за Кристины.

Женя проснулась, как всегда, по будильнику в половине восьмого, разлепила глаза и, еще полусонная, поползла в ванную.

И тут с изумлением обнаружила, что дверь ванной закрыта, а из-за нее доносится шум льющейся воды и громкое пение:

– А лето типа золотом расши-итое!

А лето типа как трава зеле-еное!..

В первый момент Женя чуть не умерла от страха, но потом вспомнила, что накануне к ней приехала двоюродная сестра. Или троюродная, вчера они так и не выяснили степень своего родства. Женя хотела расспросить про родственников, да как-то не случилось.

Ну да, у нее же теперь гостит Кристина, и эта Кристина встала ни свет ни заря и заняла ванную.

Ну вот, теперь в своей собственной квартире придется очередь в ванную занимать!

Делать было нечего. Женя решила, пока Кристина моется, сварить кофе и приготовить что-нибудь на завтрак.

Кофе она сварила, а насчет завтрака вышел полный облом: в холодильнике было пусто, хоть шаром покати.

Странно, Женя помнила, что вчера там оставалось немного сырных шариков и пирожков с мясом, что принес Иннокентий. Сейчас же на полке скучала только одинокая баночка горчицы.

Не иначе, Кристина ночью подъела все запасы.

Женя взглянула на часы.

Время неумолимо убегало, а Кристина все не выходила из ванной.

Женя подошла к двери.

Оттуда все еще доносился громкий, жизнерадостный голос двоюродной сестрицы:

– А лето типа все тако-ое краси-ивое!..

Женя, постепенно накаляясь, постучала в дверь.

Ничего не изменилось.

Женя постучала еще раз, гораздо сильнее.

Пение стало потише, потом вовсе смолкло.

Наконец дверь приоткрылась, и оттуда выглянула удивленная физиономия Кристины с полотенцем на голове:

– Чего случилось-то?

– Мне на работу нужно! – раздраженно проговорила Женя.

– На рабо-оту? – протянула Кристина. – Горячо сочувствую! А я-то при чем?

– При том, что мне тоже нужно душ принять!

– Ах, душ! Ну, я сейчас, быстренько...

И дверь снова закрылась.

Женя просто обалдела от такой наглости.

Она снова принялась колотить в дверь.

В итоге минут через десять Кристина выплыла из ванной, дыша духами и туманами. Духами, естественно, теми самыми, ядовитыми, отчего Женя сразу же расчихалась.

В результате она примчалась на работу с получасовым опозданием, красная и запыхавшаяся.

Ее шеф, Валерий Степанович, или просто Степаныч, выразительно взглянул на часы.

– Извини, сам знаешь, какие по утрам пробки! – пробормотала Женя, отдышавшись.

– Выезжай из дома на полчаса раньше, если не успеваешь! – отрезал Степаныч. – Ладно, сейчас мы отложим воспитательный процесс, есть более срочное дело. Поедешь с Костиком на квартиру профессора Шемаханова.

– Что? – удивленно переспросила Женя, – Игоря Сергеевича Шемаханова? А что мне у него делать?

– Ты его знала, что ли? – Степаныч взглянул на нее с неподдельным интересом.

– Он у нас в институте лекции читал по индийской культуре. Класный дядечка, очень интересно рассказывал. К нему на лекции все приходили, даже самые последние прогульщики.

– Значит, тебе и карты в руки. Умер твой профессор, умер и много хороших вещей оставил. Твоя задача – ничего не упустить, все купить у наследников и при этом не заплатить лишнего. Костик с тобой поедет в качестве группы силового сопровождения. Или скорее психологической поддержки. Ты его знаешь, он умеет на людей правильное впечатление произвести. Ну и вещички в пикап перенесет. Если вы там сумеете сторговаться. Хотя вообще-то, если вещи стоящие, бери все, что можно. Покупателей я найду.

Смерть профессора огорчила Женю, но показывать это Степанычу не стоило – не поймет.

Профессор был крупным специалистом по индийскому искусству, и Женя слышала, что у него была большая коллекция. Правда, только слышала – дома у Шемаханова ей бывать не приходилось. Но слухи такие ходили.

Магазин, где она работала, торговал как раз индийскими вещами – мебелью, светильниками, зеркалами и прочими товарами для интерьера. В основном, конечно, это был новодел, изделия маленьких мастерских и кустарей-одиночек, но иногда попадались и настоящие старинные вещи, которые Степаныч за большие деньги сбывал знатокам.

– Сколько я могу предложить за его коллекцию? – осведомилась Женя.

– Ну, это зависит от того, что там есть.

– Должны быть очень хорошие, редкие вещи.

– Все равно постарайся сбить цену.

– Но все же – в каких пределах я могу торговаться?

Степаныч назвал ей сумму – на удивление щедрую – и достал из сейфа пачку денег для того, чтобы Женя могла заплатить аванс, если сделка состоится.

Женя поправила волосы, подкрасила губы и вышла на улицу.

Костик уже ждал ее за рулем пикапа.

Костик работал у них в магазине уже несколько лет, дольше, чем Женя, и выполнял в нем самые разные обязанности, от погрузо-разгрузочных работ до умирения нервных покупателей. Внешность Костика очень этому способствовала: он был очень большой, даже здоровый, с огромными длинными руками, с круглой бритой головой, лежащей прямо на плечах, как спелый арбуз на блюде, и с маленькими, глубоко посаженными глазками, делавшими его похожим на рассерженного невыспавшегося носорога. Неудивительно, что неподготовленные люди при встрече с ним пугались.

Самое удивительное, что по натуре Костик был человеком довольно мягким и покладистым, любил шоколад и слезливые телевизионные мелодрамы. Но из деловых соображений он тщательно скрывал эти черты своего характера.

– Ну, поехали, – проговорила Женя, пристегивая ремень.

Профессор жил в старом пятиэтажном доме на канале Грибоедова. Подойдя к двери подъезда, Женя набрала на домофоне нужный номер. В динамике что-то загудело, и раздраженный женский голос выкрикнул:

– Кого еще черти принесли?

– Это из магазина «Раджа». Мы вам звонили. – Женя и бровью не повела, научилась уже разговаривать с клиентами, среди которых попадались очень непростые.

– Ах, это вы! – Голос немного потеплел. – Ладно, поднимайтесь на третий этаж.

Замок шелкнул, и дверь открылась.

Дверь квартиры была приоткрыта, из-за нее доносились громкие раздраженные голоса. Женя переглянулась с Костиком и сказала ему:

– Подожди пока здесь, чтобы раньше времени людей не пугать. Когда нужно будет, я тебя позову.

Костик молча наклонил голову – как скажешь, сейчас ты босс.

Женя сделала каменное выражение лица и решительно вошла в прихожую.

Даже обстановка прихожей многое говорила об интересах и предпочтениях покойного профессора. Справа от входа, под вешалкой, стоял пешаварский резной сундук, на стене висело зеркало в раме сандалового дерева с инкрустацией слоновой костью.

Разглядеть остальное Женя не успела, потому что в коридор выкатились две женщины – одна невысокая, скромного и неказистого вида, с большой родинкой на левой щеке, другая, напротив, рослая, полная, с огненно-рыжими волосами и пылающим от гнева лицом.

– И всякие разговоры на эту тему немедленно прекращаем! – рявкнула рыжая особа.

– Как это – прекращаем? – возразила невзрачная. – Игорь Сергеевич лично мне обещал передать всю свою коллекцию нашему музею... обещал неоднократно...

– А у вас на этот счет бумага имеется? – осведомилась рыжая, уперев руки в бока.

– Документа у меня нет, – неохотно ответила невзрачная, – но...

– А если нет, так и проваливайте отсюда в свой музей! Вам там самое место, под стеклом! Только сперва пыль с ушей отряхните! И нечего попусту людей беспокоить и нервировать!

– У меня бумаги нет, – не сдавалась невзрачная особа, – но мне достоверно известно, что профессор все это написал в завещании... он мне об этом лично говорил!

– Ничего не знаю! Я – его родная двоюродная племянница, а значит – я его единственная законная наследница, и все здесь принадлежит исключительно мне! А вы проваливайте отсюда по-быстрому, и чтобы больше я вас не видела!

– Незачем меня прогонять! Я здесь для того, чтобы наследие профессора Шемаханова, которое имеет огромную историческую и культурную ценность, не попало в недостойные руки!

– Это мои руки недостойные? – Рыжая выставила вперед короткие руки с толстыми пальцами, густо усыпанными веснушками. – Да я тебя сейчас этими самыми руками...

Невзрачная особа опасно отступила, однако не сдалась.

– Это очень странно, – проговорила она вредным голосом, – интересно, куда подевалось завещание профессора?

– Знать не знаю ни о каком завещании! – Рыжая еще больше побагровела. – И можешь все свои грязные намеки оставить при себе! И засунуть их сама знаешь куда!

– Я вам не намекаю, я вам прямо говорю! – Невзрачная особа все еще упиралась, проявляя удивительные бойцовские качества. – Вопрос с завещанием остается открытым! И я... точнее, наш музей непременно этот вопрос поднимет! Мы обратимся в прессу! Мы обратимся к общественности! Мы обратимся в суд!

– Да обращай ты куда угодно! – рявкнула рыжая. – А сейчас выметайся из моей квартиры, пока я тебя не вытолкала!

Тут невзрачная женщина заметила Женю. Повернувшись к ней, она проговорила:

– Вот вы, девушка, как представитель общественности, должны меня понять. Покойный профессор Шемаханов обещал передать свою коллекцию Музею восточного искусства, в котором я работаю. А теперь эта особа, эта так называемая племянница, отказывается выполнить его последнюю волю!

– Нашла к кому обратиться! – Рыжая особа громко расхохоталась. – Это как раз девушка из магазина приехала, чтобы все у меня купить. А я еще раньше сомневалась, продавать или не продавать. А теперь-то уж я точно все продам!

– Вот как? – Сотрудница музея с неприязнью взглянула на Женю и потеряла родинку на левой щеке. – Выходит, внешность обманчива! Но я этого так не оставлю! Я буду бороться!

Тут дверь широко распахнулась, и в прихожую протиснулся Костик. Очевидно, он через дверь почувствовал, что момент настал и ему следует показаться во всей красе. В прихожей сразу сделалось тесно, как в телефонной будке.

– Кто здесь хочет бороться? – спросил он с интересом.

– Все спокойно, Костик, не волнуйся! – заверила его Женя. – Женщина уже уходит!

Невзрачная сотрудница музея взглянула на Костика с ужасом и действительно стрелой вылетела из квартиры.

– Уф, наконец-то она свалила! – обрадовалась рыжая особа и удовлетворенно потерла руки. – Ну, теперь давайте поговорим, сколько вы мне заплатите...

– Подождите, – остановила ее Женя. – Прежде чем говорить о деньгах, я должна посмотреть, что у вас есть.

– Ну, смотрите, смотрите! – В глазах хозяйки мелькнул подозрительный огонек. – Только не думайте, что меня легко обмануть!

– И в мыслях такого не держала, – с этими словами Женя проследовала в гостиную.

И остановилась на пороге в восхищении.

Здесь действительно были уникальные, восхитительные вещи.

На самом видном месте стоял письменный стол из черного дерева, вместо тумб у которого были два резных слона. Стол был инкрустирован серебром и перламутром, бивни у слонов – из настоящей слоновой кости. Женя знала, что подобные столы делала единственная мастерская в Калькутте в начале девятнадцатого века. Она только не знала, что изделия той мастерской сохранились, да еще в таком хорошем состоянии.

Рядом со столом красовалось кресло с резной спинкой и подлокотниками в форме хищных птиц. На спинке было вырезано изображение танцующего Шивы.

«Восемнадцатый век, Агра...» – мысленно отметила Женя.

На стене висело чудесное зеркало в резной раме.

Самого зеркального стекла не было видно: его завесили платком по случаю смерти хозяина. Собственно, это был не платок, а настоящая раджпутская шаль, украшенная яркой вышивкой и нашитыми украшениями – серебряными бляшками, самоцветными камнями и крошечными зеркальцами.

Женя знала, что такие шали очень высоко ценятся настоящими коллекционерами за специфическую варварскую красоту, главным же образом за то, что до наших дней их сохранилось совсем немного, буквально считанные экземпляры. Особенно в таком хорошем состоянии, как та, что висела на зеркале.

Женя невольно вспомнила лекцию о раджпутах, которую читал у них в институте покойный профессор Шемаханов.

Он говорил с таким жаром, с таким увлечением, что Женя буквально перенеслась в средневековую Индию.

«Раджпуты, воинственные жители засушливого, пустынного Раджастана, были настоящими рыцарями средневековой Индии. Как и их европейские собратья, рыцари Франции или Германии, они обитали в неприступных каменных замках, выстроенных на горных уступах или на вершинах холмов. Как немецкие или французские рыцари, они устраивали рыцарские турниры, на которые собирался цвет рыцарства. У них даже были своеобразные рыцарские романы. Единственное, что резко и заметно отличало их от европейских рыцарей, – это любовь к необыкновенно ярким краскам в одежде. Должно быть, причиной этой любви была скудная на краски природа их каменистой засушливой страны».

Женя отвела взгляд от шали, пошла вперед, разглядывая коллекцию покойного профессора.

И правда, здесь было много замечательных, уникальных вещей.

Резные стулья и скамьи, шкафчики и комоды XVIII и XIX веков, сундуки с резными и расписными крышками, на которых неизвестный мастер с удивительным искусством изобразил сцены из Рамаяны...

На полках вдоль стен стояли вещи поменьше – шкатулки и статуэтки, вазочки для благовоний и светильники.

В дальнем углу комнаты Женя увидела темный от времени резной сундук – и едва сдержала возглас восхищения. На крышке сундука был вырезан слогоголовый бог Ганеша, и по характерным особенностям резьбы Женя поняла, что этот сундук сделан в Бенгалии не позднее шестнадцатого века, во времена правления Великих Моголов. Правда, кое-где резьба была подпорчена, но для хорошего реставратора восстановить ее не представит труда...

За спиной у Жени раздалось шумное дыхание, и племянница профессора с плохо сдерживаемым возбуждением повторила:

– И сколько же вы мне за все это заплатите?

Прежде чем повернуться, Женя досчитала в уме до пяти и усилием воли придала лицу невозмутимость. Кто ее знает, эту тетку, вдруг она наблюдательная и умеет читать по лицу. Хоть с виду и полная невежда.

Женя посмотрела на хозяйку.

Маленькие глазки женщины горели от жадности, на щеках пылал румянец.

Как случилось, что эта вульгарная, наглая баба оказалась родственницей интеллигентнейшего профессора Шемаханова?

Впрочем, сейчас Женю больше волновал другой вопрос.

Ей всегда было очень трудно торговаться с владельцами антиквариата: предлагать за ценные, редкостные вещи копейки не позволяла совесть, а назначишь реальную цену – разозлится босс, можно и работу потерять.

Но в этом случае совесть молчала, эту вульгарную тетку сам бог велел облапошить, ничего другого она и не заслуживала.

Женя еще раз внимательно оглядела коллекцию профессора и пошла по комнате, останавливаясь возле каждого предмета и называя цену, которую готова за него заплатить.

При этом за относительно новые, хорошо сохранившиеся вещи она называла более высокие цены, лишь немного уступающие рыночным, зато за старые, по-настоящему ценные предметы предлагала копейки, мотивируя это тем, что такое старье никому не нужно. И такой подход, кажется, был вполне понятен хозяйке.

– Видите, здесь все буквально изъедено древооточцами, – говорила она, показывая на бесценный бенгальский сундук. – Я бы и брать его не стала, но раз уж все вместе...

– И сколько же всего выходит? – спросила наконец наследница, облизнувшись, как кот на сметану.

Женя достала калькулятор, потыкала в него пальцем и назвала примерно половину той суммы, которую ей разрешил потратить босс. И одновременно достала из сумочки завернутую в бумагу пачку денег – выданный боссом аванс.

Глаза наследницы жадно блеснули, однако она не выдала радости, а замахала руками:

– Нет, нет, это несерьезно! Я сейчас позвоню в другой магазин, там мне больше дадут!

– Звоните. – Женя пожала плечами. – Разумеется, это ваше право... – И она сделала вид, что убирает деньги обратно в сумку. При этом упаковка как будто случайно разорвалась, и наследница увидела деньги.

Глаза ее загорелись, как тормозные огни автомобиля.

– Это что – вы мне прямо сейчас можете наличными заплатить? – осведомилась она, буквально задыхаясь от жадности.

– Не всю сумму, конечно, аванс... но раз вы не хотите...

– Да почему же не хочу... раз уж вы приехали... чтобы машину зря не гонять... но вы уж прибавьте, а?

Женя прибавила к названной сумме десять процентов – и сделка была заключена.

– Костя, бери в первую очередь этот сундук! – распорядилась она. – Справишься?

– А то! – Костик взвалил на спину бенгальское сокровище и пошел к выходу.

Женя сняла со стены зеркало и с невинным видом спросила, показывая на раджпутскую шаль:

– Можно, я его в этот платок заверну, чтобы не поцарапать?

– Да, бери, конечно! – равнодушно ответила хозяйка. – Я бы его так и так на помойку выбросила, кто такое носить станет?

«Много денег ей дала, – сердито подумала Женя, – она бы на меньшую сумму согласилась. А ладно, деньги хозяйские, не мои, и так выгодно получилось. Надо бы у Степаныча премию попросить, я ее заслужила...»

Последними изрядно запарившийся Костик выносил два низких шкафчика из розового индийского дерева.

Когда-то давно шкафчики были расписаны лотосами и птицами, а на дверцах две красивые индианки в ярких сари смотрелись в ручное зеркало и рисовали друг другу красный кружочек на лбу. Женя знала, что точка эта называется бинди и может быть, помимо всего прочего, знаком поклонения богине Кали.

Теперь сари выглядели вылинявшими, лица у женщин потускневшими, у одной почти не видно рук, но для хорошего реставратора это не будет большой проблемой. А уж реставратора Степаныч найдет, у него все схвачено.

– Уф! – Костик запихнул шкафчик в лифт и отер пот со лба. – Тебе уж придется пешком.

– Да ладно! – Женя побежала вниз по лестнице, чтобы придержать двери.

Она стояла у раскрытой дверцы пикапа, когда Костик принес второй шкафчик. Шея его была красной от натуги, он внезапно поскользнулся на апельсиновой корке, что валялась возле подъезда, его повело в сторону. Стараясь не упасть, он не удержал шкафчик, и тот грохнулся на землю. Женя с визгом отскочила в сторону.

– Черт! – выдохнул Костик. – Как же так...

Шкафчик лежал на земле с виду неповрежденный, только сбоку выскочила какая-то темная пластинка, и дощечка стояла ребром. Женя наклонилась, дощечка оказалась у нее в руках – видно, отвалилась от удара. Под ней лежал старый бронзовый ключик. Женя зажала ключик в кулаке.

– Ну что там? – Костик подошел ближе. – Никак, разбил? Ну мне Степаныч устроит.

– Ничего, – сказала Женя, – это починить можно.

Отчего-то она не хотела показывать Костику ключ.

– Слышь, Женя, – сказал Костик в машине, – ты не говори Степанычу, что я шкаф уронил. Он вредный такой, начнет разоряться. Скажи, что так и было.

– Ладно, – ответила Женя, – что мне, больше всех надо, что ли...

– Ничем не могу вам помочь, талоны закончились. – Женщина за окошком регистратуры отвернулась и сделала вид, что углубилась в какие-то важные документы.

Леокадия Михайловна положила под язык таблетку валидола и поплелась к гардеробу.

Третий день она пыталась получить талон к кардиологу – и снова у нее ничего не вышло. Она вставала ни свет ни заря, не успевала даже выпить чаю, приходила к самому открытию поликлиники – но талонов все равно уже не было.

Ее соседка Варвара Юрьевна умудрялась заказать талончик по телефону – но Леокадии Михайловне не хватало для этого терпения. Действительно, кто выдержит раз за разом набирать один и тот же телефонный номер и раз за разом слушать короткие гудки? От этого давление подскочит!

Люся из тринадцатой квартиры поступала еще хитрее: она заказывала талоны по этому... как его... по Интернету. Но Люся – другое дело, она – молодая, ей всего пятьдесят, она разбирается во всех этих новомодных штучках, а для Леокадии Михайловны Интернет – это все равно что китайская грамота.

– Не досталось? – сочувственно проговорила гардеробщица Маргарита Васильевна, подавая ей пальто.

– Не досталось... – вздохнула Леокадия.

– А вы бы пораньше приходили, – посоветовала гардеробщица.

Леокадия взглянула на нее с плохо скрытой обидой: тоже, нашлась советчица! Она и так третий день приходит в такую рань... соседки говорили, что Маргарита может помочь с талончиком, если сунуть ей денег, но Леокадии Михайловне это было как-то неприятно, да и денег лишних у нее не было.

Леокадия Михайловна неловко надела пальто, со второго раза попав в рукав, вышла на улицу и огляделась.

Нужный ей троллейбус только что отошел от остановки. Придется идти пешком. Вроде бы и недалеко, но ноги с трудом передвигаются... Можно, конечно, остановить маршрутку, но ее тоже не дождешься, да и денег, опять же, стоит.

Женщина оперлась на палку, перевела дыхание.

И тут рядом с ней остановилась большая темная машина.

– Садитесь, – раздался приветливый мужской голос. – Садитесь, я вас подвезу.

Леокадия Михайловна удивленно взглянула на водителя.

Это был совсем молодой мужчина, лет, может быть, сорока, с глубокими, необычного цвета янтарно-желтыми глазами и седой прядью, пересекающей темные волосы, словно след от сабельного удара. Даже за рулем машины он казался очень высоким.

– Садитесь, – повторил он и улыбнулся. Улыбка у него была приятная, располагающая.

– Но у меня нет денег, – смущенно ответила Леокадия Михайловна. – Я не смогу вам заплатить!

– Да что вы, мне не нужно никаких денег! Я просто хочу вам помочь! – Мужчина, кажется, даже обиделся, чем еще больше смутил Леокадию Михайловну.

«Вот говорят, что сейчас совсем не стало хороших, бескорыстных людей, – подумала она. – Но вот ведь, стоит только посмотреть по сторонам...»

– Садитесь! – повторил мужчина и распахнул перед ней дверцу своей машины.

Леокадия Михайловна прожила долгую жизнь, и она считала, что безошибочно умеет отличать хороших людей от плохих. По взгляду, по улыбке, по интонации. Но вот с этим человеком она немного растерялась – с первого взгляда ей что-то в нем не понравилось, но вот его поступки говорили сами за себя. Несомненно, это был хороший, добрый человек, и все же она еще колебалась.

Тогда мужчина выбрался из машины, подошел к Леокадии Михайловне и легко дотронулся до ее руки.

И от этого прикосновения словно электрический разряд прошел через ее тело, ноги стали ватными. Она упала бы, если бы мужчина не подхватил ее под руку, не поддержал.

– Спасибо, – благодарно проговорила Леокадия Михайловна, усаживаясь на переднее сиденье.

Машина тронулась с места.

Леокадия Михайловна прикрыла глаза от удовольствия.

Ей никогда прежде не приходилось ездить в такой хорошей, удобной машине.

Мягкое кожаное сиденье, приятный запах дорогой кожи и цветочного одеколona, едва слышное урчание мощного мотора...

В какой-то момент она спохватилась, что не сказала водителю, куда нужно ехать, и тот словно прочел ее мысли, спросил адрес.

Леокадия Михайловна назвала адрес – улицу, номер дома и квартиры – и тут же смутилась: зачем ему номер квартиры? Она ведь не хочет, чтобы он провозжал ее до самых дверей, будет вполне достаточно, если довезет до подъезда.

Тут она представила, как подъезжает к своему подъезду на этой прекрасной машине, как выходит из нее на глазах изумленных соседок – той самой Варвары Юрьевны и Ангелины с четвертого этажа, представила, какие разговоры начнутся у нее за спиной.

Тут перед ее глазами побежали какие-то яркие, цветные картины – лужайка перед старым деревенским домом, старая липа в гудении пчел, двойная радуга, опоясавшая небо, парное молоко в большой эмалированной кружке...

Внезапно Леокадия Михайловна осознала, что задремала от плавной езды, от приятного запаха...

Она открыла глаза и с удивлением выглянула в окно.

Они ехали по незнакомой улице, между унылым пустырем и мрачным зданием из красного кирпича – должно быть, какой-то заброшенный заводской корпус.

– Где это мы? – проговорила она удивленно, невнятным спросонья голосом.

Мужчина ничего не ответил, только бросил на нее быстрый, осторожный взгляд, и в его темных глазах промелькнули багровые искры, словно отсвет далекого пожара.

Леокадия Михайловна вспомнила вдруг далекое детство, вспомнила черную августовскую ночь, когда загорелся дом на другом конце деревни – тогда ночное небо было озарено такими же багровыми отсветами.

– Где мы? – повторила Леокадия Михайловна, и в ее душе шевельнулось беспокойство.

Мужчина снова ничего не ответил. Он затормозил, остановил машину, заглушил мотор.

– Вы обещали отвезти меня домой! – проговорила Леокадия с растущим беспокойством.

– Мы приехали, – проговорил незнакомец мягким, уверенным, обволакивающим голосом.

– Но это... это вовсе не мой дом... – пробормотала Леокадия Михайловна.

Она взглянула на незнакомца с тревожным удивлением.

Он повернулся к ней, посмотрел на нее пристально, и искры в глубине его темных глаз засверкали ярче.

– Где мы? – проговорила Леокадия Михайловна едва слышно. – Кто вы? Чего вы хотите?

Она слышала страшные истории про убийц и грабителей, но считала, что с ней ничего подобного произойти не может – да кому она нужна? Что с нее можно взять?

– Вы хотели вернуться домой, – проговорил незнакомец мягко, почти нежно. – И я помогу вам. Скоро, совсем скоро вы вернетесь домой... вернетесь в наш общий прекрасный дом, вернетесь к нашей великой матери...

Леокадия Михайловна хотела сказать ему, что ее мать умерла много лет назад в коридоре второй городской больницы и похоронена на Южном кладбище, в желтой глинистой земле, среди тысяч и тысяч одинаковых могил, и что она не хочет к ней возвращаться – но эти слова застряли у нее в горле.

Она не могла отвести взгляд от страшного незнакомца.

А багровые искры в его глазах становились все ярче, как будто отраженный в них пожар приближался, как будто он разгорался, занимая уже полнеба.

– Не бойтесь, – проговорил он тихо. – Вам не будет больно. Вы заснете – и проснетесь совсем другим человеком. Ваша новая жизнь будет ярче и интереснее, чем нынешняя... в этой жизни не будет скудной пенсии, которой вечно не хватает, не будет болезней, не будет очередей за талонами и лекарствами, не будет полутемных больничных коридоров... вы будете благодарны мне!

– Отпустите меня... – пролепетала Леокадия Михайловна непослушными губами. – Пощадите меня, прошу вас...

– Вы сами не знаете, о чем просите. – Губы незнакомца недовольно скривились. – Я оказываю вам огромную услугу... великую честь. Вы должны радоваться и ликовать...

С этими словами он, словно цирковой фокусник, вытащил из кармана яркий шелковый платок.

На мгновение он расправил этот платок, и Леокадия Михайловна увидела странный, тревожный узор – языки багрового пламени, а среди них – танцующую обнаженную женщину.

Женщина эта была отвратительна.

У нее была темно-синяя кожа, четыре руки и ярко-красный высунутый язык. Шею ее обвивало ожерелье из человеческих черепов. На талии был пояс из отрубленных рук. По подбородку и груди этой страшной женщины стекала кровь, как будто она только что завершила кровавую трапезу.

Но незнакомец уже сложил платок вдвое... вчетверо... он взмахнул сложенным платком – и тот живой змеей обвился вокруг шеи несчастной женщины, стянул ее...

Мужчина схватил платок за концы и резко потянул их в разные стороны.

Платок стягивал шею все туже и туже...

Леокадия Михайловна хотела закричать, позвать на помощь – но не могла издать ни звука, она только бессильно хрипела, глаза ее вылезали из орбит.

Она все еще видела глаза своего убийцы.

Багровые отсветы в его глазах разгорелись живым яростным пламенем, он жадно смотрел на умирающую женщину, как будто впитывая в себя остатки ее жизни.

А потом все померкло, и наступила великая тьма.

Мужчина еще несколько минут смотрел на мертвую женщину, словно не мог оторваться от этого зрелища, словно хотел запомнить его навсегда. Затем он открыл дверцу машины, обошел ее и бережно поднял мертвое тело.

Оглядевшись по сторонам, он подошел к заброшенному заводскому корпусу, вошел внутрь через пролом в стене.

Он оказался в большом пустом помещении бывшего цеха.

Посреди этого помещения с потолка свисал заржавленный крюк на цепи. Мужчина положил мертвую женщину на пол, связал ее запястья и, подняв ее легко, как пушинку, зацепил за крюк.

Теперь женщина стояла посреди цеха с поднятыми над головой руками, с мертвым лицом и широко открытыми, пустыми глазами.

Отступив на шаг, он полюбовался делом своих рук.

Затем набросил на лицо мертвой яркий платок.

Платок с обнаженной женщиной, свирепой женщиной, танцующей среди языков пламени.

Теперь все было так, как надо.

Он резко развернулся и вышел на улицу.

18 апреля 1864 года.

Вот уже десятый день мы идем из Джайпура в столицу раджи Вашьяруни. Мой отец везет ко двору раджи большую партию итальянских тканей и английской обуви, надеясь выгодно продать их и купить хороший груз пряностей и необработанных драгоценных камней.

Нас сопровождают еще два английских торговца и немецкий инженер герр Мюллер, приглашенный раджей для обустройства в его дворце современных европейских удобств.

Хотя все в Джайпуре говорили, что эта дорога вполне безопасна, мы наняли небольшой отряд местных солдат, сипаев, под командой отставного английского офицера капитана Литтла. Береженого, как говорится, бог бережет. Кроме того, я слышал от местных старожилков, что весной путешествия в этих краях бывают более опасны, чем в другое время года, поскольку именно весной проводят свои варварские ритуалы тхуги, приверженцы кровавой богини Кали. Впрочем, знающие люди говорят, что британские войска под командованием

полковника Уильяма Генри Слимена уже пятнадцать лет тому назад истребили последних тхугов и разрушили их разбойничье гнездо в горах неподалеку от Мехрангарха, так что путешествия по здешним дорогам стали ничуть не опаснее, чем по проселкам Йоркшира.

Отец уверен, что это путешествие принесет ему хорошие барыши. Я же ничуть не сомневался, что узнаю много нового и интересного о природе этой сказочной страны – Индии и эти знания очень помогут мне в моей учебе и научной работе.

И я не ошибся: уже на второй день пути мне попалось удивительно красивое растение, предположительно из рода орхидей, которого я не нашел ни в одном каталоге здешней флоры. Я сохранил это растение по всем правилам ботанической науки и надеюсь по возвращении в Лондон продемонстрировать его коллегам из Королевского географического общества.

Также на пятый день пути я заметил удивительно красивую бабочку незнакомой расцветки, однако не сумел поймать ее, поэтому не могу точно классифицировать.

Еще на пятый день пути мы убедились, что путешествие по Индии все же не так безопасно, как по Йоркширу. Один из наших носильщиков немного отстал от каравана, и тут же мы услышали в джунглях позади нашего пути душераздирающий вопль и хруст костей. Вооруженный сипай бросился на эти звуки, но тут же вернулся, испуганный, и сказал, что беднягу носильщика растерзал тигр и ему уже ничем не поможешь.

А вчера наш караван неожиданно увеличился.

На перекрестке дорог мы встретили группу пестро одетых туземцев, которые громко пели и пританцовывали. Их предводитель вышел вперед, низко поклонился командиру нашей охраны и сказал, что они – бедные танцоры из касты домми, чьей работой являются пение и танцы. Они тоже направляются ко двору раджи Вашьяруни, надеясь найти там пропитание и кров, и почтительно просят разрешения присоединиться к нашему каравану, чтобы безопасно преодолеть оставшуюся часть пути.

– Почему бы и нет? – ответил капитан Литтел. – Чем больше нас будет, – тем безопаснее станет наше путешествие! Кроме того, дорога сквозь джунгли скучна и однообразна, а наши новые спутники развлекут нас своими танцами!

И правда, в тот же вечер бродячие танцоры показали нам целое представление.

Сперва старые музыканты исполнили дикую, варварскую, но не лишнюю определенное очарования мелодию на ситарах и мридангах (это струнные инструменты, отдаленно напоминающие лютню).

Затем более молодые музыканты стали отбивать ритм на таблах и мридангах (это род туземных барабанов), а молодые девушки принялись танцевать.

Танец этот поначалу был плавным и не лишним изящества. Я пожалел даже, что не взял с собою новейший фотографический аппарат, чтобы запечатлеть этот удивительный азиатский балет. Впрочем, этот аппарат очень громоздок и тяжел, а у нас и так слишком много поклажи.

Однако постепенно ритм барабанов ускорялся, танцовщицы расплялись, движения их становились разнузданными и дикими. Я понял, что варварство по-прежнему в крови у здешних жителей. Однако, чтобы показать широту своих взглядов и интерес к туземной культуре, я вознаграждал танцовщиц аплодисментами, а одной из них, самой юной и привлекательной, подарил золотой сверчок.

Тут один из носильщиков отозвал меня в сторону, делая какие-то знаки. Лицо его было испуганным.

– Молодой сахиб! – говорил он, когда я следом за ним отошел к кустам. – Не надо верить эти люди! Не надо брать их с собой! Они приносят несчастье, большой несчастье!

– О чем ты говоришь, Чарли? – спросил я носильщика (его туземное имя было слишком сложным, чтобы европеец мог его выговорить, и я называл его Чарли). – О чем ты говоришь,

Чарли? – повторил я. – *Они – безобидные танцоры и музыканты, и они идут туда же, куда и мы. Отчего бы нам не взять их под свое покровительство?*

– *Это очень плохо, молодой сагиб!* – не унимался Чарли. – *Это плохие люди! Они танцуют плохой танец!*

– *Честно говоря, этот танец мне тоже не очень понравился, я предпочел бы увидеть Корделию Брайддел в «Жизели» на сцене Ковент-Гарден, но Ковент-Гарден сейчас очень далеко, и один бог знает, когда я туда попаду.*

– *Нет, это плохой танец!* – упорно повторял носильщик. – *Это танец, посвященный Черной богине, богине Кали! Они станцевали этот танец, чтобы предать нас в руки своей Черной богине!*

– *Ну, не волнуйся, мой друг!* – успокоил я Чарли. – *Вряд ли этот танец обладает такой силой, чтобы отдать нас в руки кровожадной богине. А скоро мы уже придем в столицу раджи Вашьяруни, и каждый там получит то, что пожелает. Мой отец – прибыль, я – новые знания, ты – заработанные деньги и несколько дней отдыха.*

Однако, кажется, мои слова не слишком успокоили носильщика.

Во всяком случае, наутро его не было на обычном месте.

Кто-то из спутников моего отца предположил, что его убил леопард, но сипаи дружно заявили, что не видели возле лагеря следов леопарда, да и лошади ночью вели себя спокойно. Так что носильщик, скорее всего, просто сбежал.

Отец мой очень сердился на беглого носильщика, даже когда пересчитал тюки и понял, что тот ничего не украл.

И без того одного туземца уже разодрал тигр, теперь еще этот беглец – так что на долю оставшихся носильщиков осталось больше поклажи, а они и так уже еле шли.

Тем не менее делать было нечего, и наш маленький караван двинулся вперед через джунгли.

– *Стой, Арчи, стой!* – Мальчуган лет двенадцати безуспешно зывал к совести своей собаки, нахального джек-рассел-терьера по кличке Арчибальд. Арчи, как обычно, делал вид, что не слышит хозяина, и мчался по пустырю за наглой трехцветной кошкой.

– *Теперь до вечера придется его разыскивать,* – тоскливо проговорил мальчишка, повернувшись к приятелю.

– *Колька, его дрессировать нужно,* – авторитетно проговорил приятель. – *Чтобы ты только сказал – ко мне! – и он тут как тут! Как лист перед травой!*

– *Да ты что думаешь, Васька, мы его не дрессировали? В школу специальную водили, а ему хоть бы что! Я ему говорю – ко мне, а он драпает на другой конец города!*

Кошка подбежала к заброшенному дому, возвышающемуся посреди пустыря, юркнула в неплотно закрытую дверь. Арчи, не раздумывая, устремился за ней.

Хозяин непослушного терьера неохотно пересек пустырь, остановился перед крыльцом заброшенного дома и позвал без большой надежды на успех:

– *Арчи, ко мне! Арчи, непослушный пес, иди сейчас же сюда! Иди сюда, а то я рассержусь!*

Арчи не появился. Из-за двери доносилась какая-то возня.

– *Ох!* – вздохнул Колька. – *Вот видишь? Совершенно не слушается! Теперь придется за ним в этот дом идти...*

– *В этот дом ходить не надо,* – второй мальчуган, Васька, опасливо понизил голос. – *Это опасный дом.*

– *Что, с привидениями, что ли?* – Колька фыркнул. – *Ты че, правда в привидений веришь?*

– Привидения или не привидения, а только что-то в этом доме происходит. Толик из второго подъезда видел ночью в его окнах какие-то огоньки. И еще он говорил, что видел, как из этого дома выходила Черная Женщина!

– Негритянка, что ли?

– Сам ты негритянка! Не негритянка, а Черная Женщина! Знаешь, кто это такая? Это тетка, которая по ночам пацанов ловит и разбирает их на органы!

– На какие еще органы? – недоверчиво переспросил Колька.

– Не знаешь, на какие? На внутренние!

– Да твой Толик соврет – недорого возьмет! Помнишь, он хвастался, что ему папаша на день рожденья японский мотоцикл купит? И где этот мотоцикл?

– Насчет мотоцикла – не знаю, а что там по ночам кто-то ходит – это точно, Светка Иванова то же самое говорила.

– Светка? Да Светка вообще девчонка, что с нее возьмешь! А если даже кто-то ходит – так что такого? Обыкновенные бомжи!

– Не обыкновенные, а дикие!

– Да хоть дрессированные! Все равно надо в этот дом идти, чтобы Арчи поймать! А ты как хочешь, можешь не ходить, если ты трус!

– Кто трус? Я трус?

– Ну не я же! Это же не я боюсь в этот дом идти! Это же не я про Черную Женщину и про каких-то диких бомжей рассказываю! В общем, как хочешь, а я иду!

Колька толкнул неплотно прикрытую дверь.

Дверь с надсадным скрипом подалась, из-за нее потянуло сырым холодом, внутри было очень темно.

Колька невольно задержался на пороге, но он не мог проявить слабость на глазах приятеля и шагнул внутрь.

Глаза не сразу привыкли к темноте.

Колька остановился и громко позвал:

– Арчи! Арчи! Ко мне!

Где-то впереди раздалось глухое ворчание, которое перешло в испуганный лай, а затем в жалобное подвывание.

– Да что с тобой, Арчи?

Колькины глаза постепенно привыкли к скудному освещению. Колька разглядел пустую комнату, пол в выбоинах, печь в углу, открытую дверь, ведущую в следующее помещение.

Именно оттуда, из-за этой двери, доносился жалобный голос Арчи.

– Арчи, что с тобой? – опасливо проговорил Колька. – Тебя что, эта кошка поцарапала? Сейчас я приду!

Он, однако, не спешил на помощь своему псу. Оглянувшись на входную дверь, Колька окликнул приятеля:

– Вась, ну ты что? Идешь или боишься?

– Иду! – послышалось в дверях, и Васька протиснулся в комнату. – Ну здесь и темнотень!

– Ничего, скоро привыкнешь!

Почувствовав поддержку друга, Колька уверенно зашагал вперед. Васька пошел за ним, чтобы не оставаться одному.

Войдя в следующее помещение, Колька замер на пороге как вкопанный.

Посреди этой комнаты стояло старинное кресло с резными подлокотниками. В этом кресле неподвижно сидела женщина. Лица ее не было видно, оно было закрыто цветным платком.

На полу перед этой неподвижной женщиной сидел Арчи. Запрокинув голову, он тоненько и жалобно подвывал.

Васька вошел в комнату вслед за приятелем, схватил его за плечо и прошептал:

– Она! Это она!

– Кто?! – переспросил Колька непослушными губами.

– Черная Женщина! – прошептал Васька.

– Ничего она не черная, – возразил Колька, – вон, смотри, на ней обыкновенные джинсы.

Синие.

– Какая разница! Бежим, пока она нас не схватила!

– Надо сначала Арчи поймать! – не сдавался Колька.

Он снова позвал своего непослушного пса, но тот продолжал подвывать, не обращая на хозяина ни малейшего внимания.

Тогда Колька сделал над собой героическое усилие и шагнул вперед, стараясь не глядеть на неподвижную женщину.

Шаг, еще шаг.

Он сделал еще один шаг и наконец дотянулся до поводка Арчи. Схватив этот поводок, он не выдержал и поднял глаза...

На лицо женщины был наброшен шелковый платок. И вот на этом платке была нарисована та самая страшная Черная Женщина, о которой говорил Васька.

Вообще-то она была не черная, а синяя, с высунутым красным языком и четырьмя руками. В одной из этих рук был окровавленный меч, в другой – отрубленная человеческая голова.

Колька попятился.

Он услышал чей-то тонкий, испуганный визг – и не сразу сообразил, что это сам он визжит диким голосом. В следующую секунду он увидел, как Васька с торчащими дыбом, всклокоченными волосами бежит к выходу, и устремился за ним.

При этом он не выпустил из рук поводок – не потому, что заботился об Арчи, а просто от страха.

Так, волоча за собой воющего и упирающегося терьера, Колька выбежал на пустырь.

Впереди него, мелькая пятками, улепетывал Васька. Колька припустил за ним что было сил. Ему слышались за спиной чьи-то шаги, мерещилась страшная четверорукая женщина с синим лицом и красным вываленным языком.

Он бежал изо всей мочи – но вдруг споткнулся о поводок и упал на землю. Рядом и впрямь послышались приближающиеся шаги, и Колька в ужасе закрыл глаза.

Кто-то склонился над ним...

Неужели это она, страшная синяя женщина?

У него в голове все смешалось, и женщина, неподвижно сидящая в кресле, превратилась в ужасную синюю женщину с красным языком. И еще – в ту Черную Женщину, про которую ему рассказывал Васька.

Колька еще крепче зажмурил глаза и для верности закрыл их ладонями...

– Коль, что с тобой? – раздался над ним смутно знакомый голос.

Голос был мужской, но Колька еще не отошел от своего ужаса и пролепетал едва слышимым голосом:

– Не трогай меня, тетенька!

– Какая я тебе тетенька? – удивленно проговорил знакомый голос.

Колька осторожно приоткрыл один глаз...

И увидел дядю Сережу, жильца из соседнего подъезда. Дядя Сережа выгуливал на этом пустыре своего абрикосового пуделя, который охотно играл с Арчи.

– Да что с тобой, Колька? – повторил дядя Сережа. – Кто тебя так напугал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.